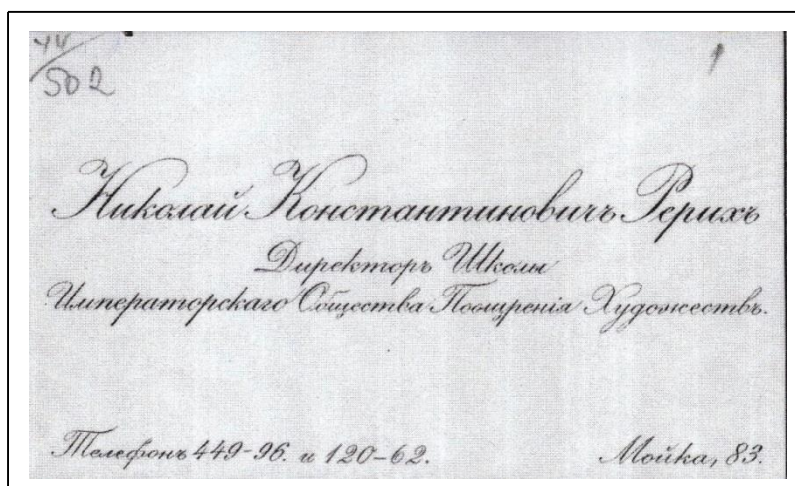

ЧАСТЬ 2

ШКОЛА ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ.

Директор Н.К. Рерих и преподаватели Школы Общества поощрения художеств

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/502, 1 л.

Вместо предисловия

*Из монографии С. Эрнста «Н.К. РЕРИХЪ»,
Издание Общины Св. Евгении, Петроград, 1918 г.:*

1906 г. должен снова почестся переходным в творчестве художника, ибо он кладёт некую границу, приводит к новому и ознаменован важными событиями.

В эти дни Рерих создаёт два капитальных произведения, которые как бы подводят итог прошлому и открывают дверь в будущее - «Бой» и «Поморяне Утро» 1906 г.

Пылает зловещая, червонно-кровавая gloria заката, заглушённого синелиловыми смятенными облаками, вздымаются тяжело вспененные волны северного моря, в тяжком бою мечутся серые ладьи с красными парусами. Высокий и суровый пафос битвы, пафос пантеистического ужаса звучит в этом полотне, непреклонно свидетельствующем своим духом сколь близко перед художником предстали тайные и злые ковы мира, а своим твёрдым и «острозвучающим» письмом какого вдохновенного мастера имеет в нём русская живопись. Рядом с «Боем» хочется поставить «Утро» в певучих, прохладных, серебристо-серых и сапфирных тонах - плывут неспешные облака, стройным станом растут прибрежные ели, юноши бьют стрелами высоко летящих лебедей, седой старец любит на молодых...

Ясный, благостный строй «Утра» совсем противоположен яростному ритму «Боя», всё его мастерство построено на других композиционных и колористических соотношениях¹ и, тем не менее, оба полотна трогают одинаково и трудно сказать, где истинное лицо мастера.

---

¹ Важно отметить, что картина исполнена после заграничного путешествия художника в 1906 г.

От «Утра» и «Боя», возросших ещё вместе с прежними работами и кровно с ними связанных, идёт путь полотен, развивающих то новое, что открылось в «душевном и телесном» строе двух помянутых картин - в сгущённости и яркости их духа и в смелой свободе их мастерства.

Весною 1906 г. художник отправляется в путешествие по Италии - с апреля по сентябрь прошел он величайший итальянский путь: Милан, Генуя, Павия, Пиза, Сан-Джеминиано, Сиена, Рим, Ассизи, Перуджия, Флоренция, Болонья, Равенна, Верона, Венеция и Падуя предстали величавой плеядой пред взором северного мастера. Как в 1903 г. ему открылась нетленная красота родной древности, так в 1906 г. ему предстала вся слава чужой земли, земли — царицы мира.

Примечателен тот выбор, те пристрастия, что вынес Рерих из путешествия. Его пленила историческая, нетронутая прелесть архитектурных, ансамблей и звучащей среди них жизни Сан-Джеминиано и Сиены, печальный покой Пизы, где весенние зелёные травы тонкой сеткой покрывают старые мраморы, широкие горизонты Перуджии (как широки северные воздушные долины!) и странное «спутанное» впечатление принёс Рим - не верило и не трепетало сердце среди марева его видений. Из чисто-живописных богатств художнику «полюбились» умиленные и утончённые мечтания сиенских живописцев, цветистый праздник фресок Беноццо-Гоццолли и прошли мимо, не задев, мастера Золотого Века и искусстники из Болоньи.

После Италии несколько недель Рерих провел в Швейцарии, среди великих горных кряжей, в окружении сильных явлений природы, столь созвучающих его художническим переживаниям.

Памятником этого путешествия в творении мастера остались написанные тогда этюды: «Горы», «Долина Роны», «Chamossaire», «Красные горы», «Сан-Джеминиано», очень важные по их колористическим заданиям - полные, пламенные, зеленые, синие, желтые и красные колера, сопоставленные с истинной дерзостью, трепещущие восторгом первоначального, «природного» цвета, вводят нас в следующий период творчества художника, который можно назвать колористическим по преимуществу, ибо с этих пор живопись особенно привлекает внимание Рериха, красочный наряд определяет всю структуру, даже сюжет полотна, и художник создаёт картины исключительные по колористической новизне и удаче, оставляющие далеко позади достижения прошлых лет.

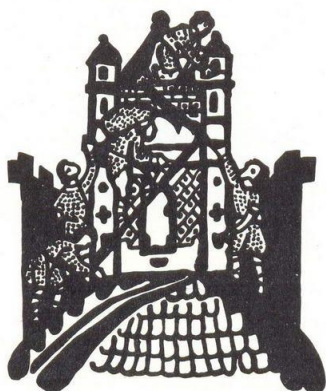
На этот же год падает другая важная перемена в жизни художника, а именно, назначение его весной 1906 г. Директором Школы Императорского Общества Поощрения Художеств.

Рерих принял школу в тяжёлое время, но, всё же, сразу сумел твёрдо «повести свою линию» и рядом осторожных, непрерывных мероприятий поставить её на ту высоту, на какой она стоит теперь. В директорстве его ярко проявились две драгоценных черты его характера: любовная, всегдашняя вера в созданный им в душе своей канон красоты, идущей в мир, и осуществляющая его на деле энергия (энергия сильная противостоять бездне препятствий, недоброжелательства и козней).

Стоит вспомнить, что получил Рерих в 1906 г.: Школу «застывшую на точке» 80-х годов прошлого века - число её классов не увеличивалось, хотя обстоятельства времени настойчиво этого требовали, преподавание в них велось по тому же методу, в тех же рамках, что и двадцать лет тому назад (а, ведь, за эти 20 лет сколь много и каких резких перемен произошло во всём искусство-понимании). Из этого-то «трудного» материала Рерих, девиз которого, как педагога, таков: «По моему, главное значение художественного образования заключается в том, чтобы учащимся открыть возможно широкие горизонты и привить им взгляд на искусство, как на нечто почти неограниченное²», начинает строить новое здание, строить постепенно, не спеша, выбирая лучшие камни из старых, добавляя и скрепляя их новыми...

Вскоре в классах появляются молодые свежие руководители, приносящие с собой и новый подход к делу, и новое отношение к учащимся, коренным образом реформированы (превращены в мастерские) классы керамики, резьбы, живописи по стеклу и рукоделий, вновь учреждены классы графики, медальерного искусства, съемки с натуры и изучения стилей, рисования с живых цветов и стилизации, обсуждения эскизов и рисования с животных, а также мастерские: иконописная, рукодельная, ткацкая и чеканки. Для поднятия эстетического развития учащихся организуются экскурсии, под руководством известных знатоков (в Новгород, Псков, Ярославль, Кострому, Москву), и посещения музеев; в Школе устраиваются различные лекции по вопросам искусства, а в самое недавнее время положено основание Музею Русского Искусства, стремящемуся, кроме помянутой выше педагогической цели, во-первых, представить художественную деятельность лиц, причастных Школе и И. О. П. Х., и, во-вторых, собрать произведения русских художников всех направлений, как современных, так и отошедших в историю, и тем самым способствовать делу собирания и сохранения памятников отечественного искусства. Стараниями же нового Директора было выпущено несколько изданий Школы: сборники посвященные работам учащихся, книга Н. Макаренко, «Школа Императорского Общества Поощрения Художеств. 1839—1914 гг.», «Русская Геральдика» и выходящий в свет в непродолжительном времени «Ежегодник Школы И. О. П. Х.».

Так ладилось «школьное строительство» Рериха...

---

² Газета «Слово», 11 сент. 1908 г.

АПРЕЛЬ

В Рисовальной школе Общества поощрения художеств...

Художественный отдел

Разное

Состоявший четверть века директором Рисовальной школы Общества Е. Л. Сабанеев покидает свой пост. Его место займёт секретарь Общества П. К. Рерих, а место последнего - его помощник В. И. Зарубин.

Художественно-научная командировка. Директор Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств, художник-археолог Н. К. Рерих командирован комитетом Общества в путешествие по России с художественной и научно-археологической целями.

Выставочный вестник. 1906. Март-апрель. № 1-2. С. 1, 2, 15.

Храм Спаса-на-крови в лесах.
Начало XX века.

Храм Спаса-на-крови.
(Фото 1907 г.)

Записные листки Н. К. Рериха

XVII. Безобразие

Архиерей некий увидел во сне храм Василия Блаженного. Проснувшись, запомнил и вообразил о сонном откровении к созданию храма Воскресения. Все прочие проекты были отвергнуты, и «сонное видение» восторжествовало.

Такова легенда. И у нашего времени есть легенды. Сколько красивого можно было предполагать под лесами этой долгой постройкой! - целые два десятка лет можно было заблуждаться.

Наконец, начали снимать покрывала. Начало обнаруживаться механическое собирательство частей Василия Блаженного, храмов Ростовских, Ярославских, Борисоглебских. Гора бирюлек! Сборище безвкусное, лишённое чувства меры прекрасных строений древности.

К чему ещё одно посмеяние над стариною? Зачем пёстрый вызов всем, кому близко красивое в древности? Мимо без пользы проходят страшные уроки ложнорусских строений...

Внутренность храма должна быть также поразительна; закреплена навеки мозаикой. Бедные мозаичисты! Бедный красивый материал. Ходили невероятные слухи. Слышали мы, что Васнецов и Нестеров представлены в храме только отдельными внешними пятнами и плохо освещёнными образами иконостаса. Врубель, давший прекрасные вещи в Кирилловском монастыре и во Владимирском соборе, не был приглашён к делу. Рябушкин был рассыпан по мелочам и рассеян соседями. Затем второстепенные, но правоверные: Харламов, Афанасьев...

Много работы было сделано Бодаревскими, Беляевым, Поляковым, Отмарами, Киселёвыми, Порфиоровыми и проч.

Наконец, прошел ещё нелепый слух, будто бы строитель Парланд не удовольствовался постройкой, орнаментами и первую ролью в главном управлении; будто бы с ним что-то случилось, и он заставил делать мозаику по своим собственным эскизам. Мало того: поместил её на видных местах, недалеко от алтаря. Такое сообщение показалось уже просто дурною шуткою.

Но все эти невероятия оказались правдою. Собрание этих «шуток» оказалось выше всяких слов. У нас на глазах сделалась подавляющая пошлость. Крохи хорошего были раздавлены массою откровенного оскорбительного безобразия.

Но Парланду всё-таки было мало. Он нашёл, чем довершить. Он выдумал вставить в окна *синие* стёкла! Золотая мозаика дала зелёные, лягушечьи эффекты. Фольга с хлопущки! Четырёхдневный Лазарь, - но кто воскресит его?

Пол из мрамора, мрамор на иконостасе, вставки из полудрагоценных камней, серебро и золото. Из-за роскоши материала глядит убожество духовное.

Господа члены комиссий, господа участники! Торопитесь подать особые мнения; торопитесь выяснить ваше отношение к постройке. Близится срок открытия храма, и приговор всех культурных людей прозвучит над всеми, кто стоял близко и потворствовал безобразию.

Леса теперь убраны. Теперь ясно видно всё, что долгие годы было прикрито лесами, приличиями и условностями. Всё ясно. Ясно, каковы были затраты; ясно, что можно требовать от этих затрат. Храм всем доступен; берегитесь не считаться с красотой святыни, берегитесь обратить её в арлекинаду. Это безбожие отзовется глубоко. Ещё не поздно разбить синие стёкла, ещё можно кое-что убрать, ещё можно вырубить из стены рукоделия самого Парланда...

У причастных к делу даже не может быть успокоения, что их обвиняют новаторы, с которыми можно и не спорить. Обличают их Нерушимая стена, св. Марк, Равенна, вся сокровищница Божества.

После всех исканий, после новых погружений в красивое, после взрыва религиозных вопросов последнего времени невозможно без ужаса думать о новом уродстве в искусстве.

Не давайте же, наконец, таких страшных свидетельств суду истории.

Золотое руно. 1906. Апрель. № 4. С. 76-77. [Текст на русском и французском языках.]

*Апрель 1906 г.
К «Осеннему Салону» в Париже*

ОТДЕЛ РУССКОГО НАРОДНОГО ИСКУССТВА ПРИ SALON D`AUTOMNE

В текущем году Парижский Salon D`Automne даёт на своей ежегодной выставке место отделу русского народного искусства.

- Цель устроителей этого отдела выявить подлинное народное творчество и противопоставить его всему тому, что обычно показывается на кустарных выставках за границей, главным образом тому ложно-русскому стилю, дешёвый эффект которого создал ему там известность.

- Устроители отдела при выборе экспонатов руководствуются исключительно степенью их художественности, отрешаясь от их исторического или этнографического интереса. Выставка рассчитана на публику художников. Для демонстрации русского народного творчества, такого, как его пожелают устроители, Salon D`Automne, эта передовая художественная выставка, есть самое подходящее для этого место. Так как новые течения в живописи тоже стремятся к монументальности, синтезу и узорчатости, выставка явится теперь очень своевременной. Она подчеркнёт, что художники разных эпох и стран подчинены одним и тем же законам творчества.

- Исключая все, что не носит на себе печати строгой художественности и как бы суживая таким образом свою область, устроители её в то же время и расширяют, принимая работы и современные и старинные; произведения безымянных кустарей и произведения художников.

- Исходной точкой устраиваемой выставки устроители избирают старинный лубок, как самое характерное проявление народного творчества и собирают только то, что с ним связано: вышивки, игрушки, пряники.

- Не имея, конечно, в виду сделать эту небольшую выставку исчерпывающей и настаивая на этом, её устроители отказываются от целого ряда интересных отраслей кустарной промышленности (кружева, резьба и т.д.) отчасти потому, что их уже знают, отчасти же для того, чтобы сохранить цельность

картины выставки. Всё выставленное должно походить одно на другое: игрушки на лубок, пряник на игрушку, лубок на вышивку.

ПРИНИМАЮТСЯ:

1. Современные кустарные работы (вышивки, игрушки, пряники).
2. Предметы старины исключительного художественного значения (лубки, иконы, вышивки, оттиски пряничных досок).
3. Работы современных художников в связи с первыми двумя группами (игрушки, вышивки, лубки).

За всеми справками просят обращаться к устроительнице выставки V-lle Nathalie Ehrenbourg, 242 Foullevard Raspail, Paris и к секретарю Выставки М.И. Рабиновичу – СПб., В.О. 5Л., д.44. Отправка экспонатов производится по адресу: M-r Le President du Salon D` Automne "Section d`Art populaire russe". Grand Palass, Forte S. Paris и в «Отдел русского народного искусства при Осеннем Салоне» (Художественно-Ремесленные мастерские Школы Императорского Общества Поощрения Художеств, С-Петербург, Демидов пер.6), (в марте и апреле).

Выставка устраивается Н.Л. Эренбург при участии Н.Д. Бартрама, Вар. Н.Н. Врангеля, Г.К. Лукомского, Н.К. Рериха, Я.А. Тугенхольд.

Отдел рукописей ГТГ ф.44/1097, 1 л.

14 апреля 1906 г.

Письмо М.В. Нестерова к Рериху Н.К.

Многоуважаемый и дорогой Николай Константинович!

Сообщаю Вам, что вопрос о помещении для моей выставки выяснен. Выставка состоится в январе в Екатерининском зале. Помещение это не имеет тех удобств, какие мог бы я получить в О.П.Х., но боязнь тёмных дней в декабре заставила меня перенести выставку на более светлый январь.

Известие об избрании Вас директором школы О.П.Х. искренне меня обрадовало. В какой мере оно отразится на Вашей художественной деятельности - не знаю. Хочется думать, что творчество Ваше при новых обязанностях не страдает.

Ваша художественная подготовка, понимание задач современного искусства даёт право надеяться, что жизненные идеи искусства будут постепенно и с обычным Вашим тактом проведены в школу О.П. Художеств.

Вопрос, что надо делать – подчинить ли искусство ремеслу, или, наоборот, ремесло возвысить до искусства, становится теперь обострённым и надо без колебаний его решить в пользу последнего принципа, что думаю и удастся Вам при обычной Вашей энергии сделать.

Прошу передать мой поклон Вашему Семейству.

Искренне уважающий Вас и преданный

Мих. Нестеров

14 Апр. 1906.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1055, 2 л.

20 апреля 1906 г.

К вопросу о судьбе картин русских художников в Сен-Луи, 1904...

С.-Луи

[Об израсходовании Мин-вом финансов 93 тыс. руб. на русскую выставку в С.-Луи.]

...на Всемирной выставке в С.-Луи принимала участие группа русских промышленников через посредство столь печально прославившегося в последнее время коммерции советника Э.М. Грюнвальда, который организовал в С.-Петербурге «Управление Отдела по организации выставки русских произведений». Как известно, наше правительство отказалось от участия в С.-Луи ввиду возникшей русско-японской войны из-за чересчур ярких симпатий американцев к японцам. Г-н Грюнвальд, не смущаясь этим, рассылал русским промышленникам циркулярные приглашения, полных текст коих печатаем ниже: <...>

Нам неизвестно, откликнулось ли много промышленников на призыв Грюнвальда, но обильную жатву последний собрал от русских художников. Вот что сообщает хроникёрская заметка той же «Пет. газ.» от 8 февр. с.г.

[Полностью приведён текст из «Петербургской газеты» 1906. 8 февраля. № 38. Среда. С. 4]

Затем, однако, получились более подробные сведения. Как и следовало ожидать, г. Грюнвальд приступил к реализации своей «ловкой аферы».

Секретарь императорского Общества поощрения художеств художник Н.К. Рерих получил извещение о том, что устроитель выставки картин русских художников в Нью-Йорке Грюнвальд, которому русские художники доверили свои произведения, вследствие плохих дел приступил к аукционной продаже картин, не имея на это никаких полномочий со стороны собственников. Местными властями, по представлению русского посольства, этот аукцион прерван, и часть картин, оставшаяся непроданной, сохраняется в таможенных складах.

Комментарии излишни...

Выставочное обозрение. 1906. 20 апреля /3 мая. № 1. Четверг. С. 18-20.

Публикуется по изд.: Николай Рерих в русской периодике. Вып. 3. СПб. ООО «Фирма Коста». 2006.

Н.К. Рерих. Голова. 1906. Иллюстрации к поэме А. Пушкина «Руслан и Людмила».

МАЙ

К путешествию по Италии...

Из Монографии С. Эрнста «Н.К. Рерих». 1918 г.:

«[Н.К. Рерих]...воспользовавшись официальным отпуском, с апреля по сентябрь, совершил поездку за границу³. Начавшись Женевой и Парижем, эта поездка была главным образом путешествием по Италии. С одной стороны сильные “горные впечатления” (ярко повторявшаяся потом во время путешествия по Кавказу), напр., незабываемое впечатление “красных гор”.

С другой стороны, широкое знакомство с Италией, итальянским искусством, обликом итальянских старинных городов и пейзажей, а в Париже с работами Дегаза, Писсаро, ван Гога и особенно Гогена. Поездка эта должна была сильно повлиять на весь склад художника, хотя опять менее всего хочется говорить о прямых определённых влияниях, тем более, заимствованиях. Скорее опять на многое окончательно открылись глаза его, многое ещё бродившее установилось и определилось. Как раньше Палаццо Медичи, Джотто с его выразительностью и отзвуками византизма, вообще итальянские примитивы особенно Сиенской школы обогатили представление о примитивизме и декоративности, обильно питавшееся формами византийскими и древне-русскими. Гоген как бы подтвердил и дал простор стремлению к яркому сочетанию красок, к широкому и упрощённому сочетанию красочных плоскостей. дивный демонизм гор дал ещё больший простор фантазии, говоря нигде не повторяющимися красотами структуры, красок. Поразительно разнообразных моментов. когда, например, при смолнечном заходе или восходе мрачно – траурные снеговые вершины горят золотом и пурпуром, а внизу в ущельях стелется глубокая синева. Накопления впечатлений от природы и произведений искусства перерабатывались во внутренней лаборатории художника наряду с ранее заложенными настолько сложно, что не может быть речи об эпигонстве, даже определённом эклектизме. В переработке своего изошрённость Врубеля и Гогена слились с изошрённостью иконописи и примитивов, эмалевого богатства византийских и восточных красок. Горы говорили не горными пейзажами, а необычностью красок, дивным таинственным складом своих основных форм, основной структуры, красотой камня, когда-то в мелких поделках так непосредственно и богато служивших человеку.

Вернувшись из-за граничного путешествия с богатым запасом впечатлений и складывавшимися задачами новых живописных попыток, Рерих вступил в должность директора школы Общества Поощрения Художеств, и с этих пор начинается его особенно продуктивная, интенсивная деятельность художника и художественного администратора и организатора.

Частью благодаря энергии и работоспособности, частью потому, что обе деятельности отвечали стремлениям художника, для него оказалось возможным и плодотворным столь трудное совмещение. Может быть, по самой своей натуре культурного художника и пропагандиста, он не мог замкнуться в преследовании только индивидуально-художественных задач, может быть, манил пост общественно-художественного деятеля. Всё русское народное искусство, все недавние задачи его возрождения и сохранения слишком близки Рериху.

Отсюда большое участие его в работах известного художественно-промышленного производства села Талашкина Смоленской губ., где на основах народных и новых форм создавались попытки осуществления художественного

---

³ Следовавшими за тем поездками были: в Лондон 1909 г., на Рейн и в Голландию, в 1911 г.- вторично на Рейн и в Голландию. кроме того, неоднократные поездки в Париж.

стиля в быту. Рерих выступил теоретическим защитником и пропагандистом, поставив в одной из своих статей широкий вопрос, “может ли быть промышленность нехудожественной”, и доказывая, что “само фабричное производство – это неизбежное зло – должно быть поработано искусством”.

Нельзя сказать, чтобы среди других художников, работавших для Талашкина⁴, каковы Врубель, Малютин, Поленов, Рерих проявил непосредственное деятельное участие, но несомненно, он был одним из вдохновителей прекрасного предприятия. Из тогдашних работ художника, сделанных для мастерской, надо отметить эскизы мебели, эскизы резьбы по дереву. К тому же времени относятся первые работы для мозаики и майолики. Всё тогдашнее движение, оценка которого в будущем, не разрослось, конечно, до размеров аналогичного движения, созданного английскими прерафаэлитами. Уровень общего и государственного образования был ещё слишком низок, да и русская действительность не давала почвы, особенно в наступившее смутное время.

Широкое поле в области насаждения художества открылось для Рериха с назначением его директором школы. Школа Общества Поощрения, наряду с другими нашими большими художественно-промышленными училищами, носила официально-показной характер, питаясь омертвелыми трафаретами по устаревшим западным образцам и бессистемной копировкой форм русских. Хуже всего было поставлено общее художественное образование, благодаря, отчасти, именно тенденции отделять чистое искусство от художественной промышленности. Не производя крупной ломки, Рерих проявил большую настойчивость, реформируя школу, исходя из чисто художественных тенденций, из принципа “искусство едино”, привлекая в преподаватели постепенно известных талантливых художников, новый директор быстро поднял уровень в общерисовальных и этюдных классах.

Открылось и открывается много новых специальных классов и мастерских, причём ученики практически знакомятся с техникой производств. Организуются лекции по вопросам искусства, экскурсии, основан музей современной живописи. При абсолютной свободе поступления и занятий, совмещая самые разнообразные элементы стремящихся к художественному образованию, школа имеет тенденцию стать народной школой искусства, крупным художественно-просветительным учреждением, где подход к изучению специальностей идёт через общее художественное образование, и где можно дойти до этого изучения, начиная с самых низших ступеней. Задача очень большая, очень трудно достижимая в идеале, ибо показная сторона при благих намерениях должна оправдываться серьёзностью постановки дела во всех деталях. Но самая постановка задачи нечто очень крупное, обусловленное широтой художественных запросов, а многие уже совершившиеся осуществления таковы, что, казалось бы, должны поглотить всё время и всю энергию художника, тем более, что при чрезвычайном росте числа учеников (сейчас до 2000) средства остаются очень ограниченными. Между тем удивительная художественная продуктивность за истекшее десятилетие директорства у всех на глазах».

*****

⁴ “Талашкино”. Изд. “Содружества”. СПб. 1905. Помимо “Талашкина”, вопрос блестяще освещался в журнале “Мир Искусства” и в таком предприятии, как “Современное искусство”.

Май 1906 г.

ХРОНИКА ВЫСТАВОЧНОГО ДЕЛА

Директор рисовальной школы при Императорском Обществе поощрения художеств, художник-археолог Н. К. Рерих недавно выехал в Париж вести переговоры об открытии там выставки работ русских кустарей, работающих в мастерских села Талашкина, организованных княгиней М. К. Тенишевой.

- Не сомневаюсь в успехе выставки работ талашкинских изделий в Париже, - говорил Н. К. Рерих. - В них столько интересного, так выдержаны они в духе старинного русского художества. Не сомневаюсь и в том, что при ближайшем знакомстве с этими работами иностранцы сильно заинтересуются ими, и широкий сбыт их обеспечен. А в рынке ведь так нуждаются наши ку стари...

Выставочный вестник. 1906. Май-июнь. № 3~4. С. 14.

16 Мая [1906 г.]

Письмо С.К. Маковского к Н.К. Рериху.

16 Мая Вторник.

Дорогой Николай Константинович,

Должен Вам сознаться, что настроение Ваших двух писем из Парижа меня несколько озадачило. Вы ли это? Упадок энергии чувствуется в них и отказ от долго <лелеемого> плана... На Вас не похоже. Но я уверен, что это временное колебание, не больше. И сейчас Вы увидите, что я прав. Письма Ваши исполнены опасениями перед тем «что же будет в России». По-видимому, наши милые <компатриоты> сильно напуганы, и слышать ни о чём не хотят.

Это несправедливо. Настроение здесь совершенно иное. Подъём деятельности ощущается во всех сферах. Общество кипит, и струйки долго сдерживаемого пара стремятся во все стороны. Вот доказательства:

На днях я получил первый номер нового журнала «Выставочный вестник». Журнал идиотский, но, тем не менее, с художественной (и довольно узко) программой. Затем, с будущей осени художественный журнал будет издавать Мюссаровский кружок. «Золотое руно» будет продолжаться. Так же и «Весы». О новом журнале Грабаря тоже усиленно поговаривают.

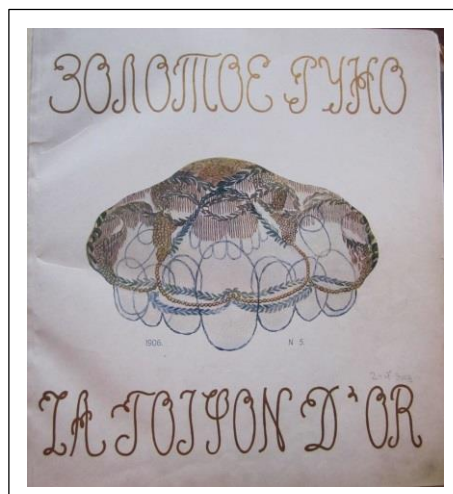
Спрашивается: зачем же нам ждать у моря погоды? И что значит <этот> срок 2 года? Одно из двух: или уже с будущей осени можно будет начать работу, хотя, разумеется, при обстоятельствах не вполне блестящих, или через 2 года будет совсем немыслима никакая работа в области искусства, ибо тогда начнётся кровавый угар революции. Думать, что будущей зимою будет «плохо», а через два года всё «успокоится» просто наивно. Повторяю: или сейчас, или через 10-15 лет!

Малодушные буржуи, вроде В. и нашей княгини, не могут понять исторических событий. С ними делается родимчик от биржевых телеграмм. Но Вы-то, ради Бога, не поддавайтесь подобному пессимизму. Наоборот, оспаривайте его. Факты, о которых я пишу Вам, говорят за себя. К осени станет ясно - настал ли период головокружительно-быстрой эволюции в России, или начинается великая социальная революция, от которой, конечно, не поздоровится

и иностранцам. В первом случае надо быть на посту во всеоружии; журнал совершенно необходим; если деньги не даст кн[ягиня], мы их достанем в другом месте, например, мы начнём издание в долг – но журнал будет.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/959. 4 л.

*****

Золотое руно. 1906. № 5.

ХРОНИКА ВЕСТИ ОТОВСЮДУ

В Обществе поощрения художеств произошли большие перемены. Вместо г. Сабанеева назначен директором художник Н.К. Рерих. Секретарём – художник Зарубин. Состав преподавателей также обновлён. Приглашены вновь 2 преподавателя: А.В. Щусев и С.К. Маковский.

Золотое руно. 1906 Май. № 5.

20 мая 1906 г. СПб.

Из альбома художественного критика

НАЗНАЧЕНИЕ Н. К. РЕРИХА

- Раньше ходили слухи, что вместо Сабанеева директором школы поощрения художеств назначается Рерих, теперь же на днях последовало высочайшее утверждение.

- Лучше будет, вы думаете?

- Гадать о будущем не берусь. Но в пользу Рериха - его энергия, молодость, прочно установившееся художественное имя. Теперь, ввиду этого назначения, будет не лишним сделать краткий обзор его творчества. Главное свойство его - самобытность. Оригинальность свою проявил он на первых же порах своей деятельности. Его «Гонец» уже подавал большие надежды. Эта

дикая славянская равнина, озарённая луной, этот скользящий по реке чёлн с двумя фигурами - всё это переносило в далёкую-далёкую эпоху седых преданий. «Гонец» - одна из лучших его картин. За последующие картины Рериха упрекали в небрежности рисунка и примитивности колорита. Согласен, иногда он переходил границы, но всё же и рисунок его и краски как нельзя лучше передавали детскую дикарскую наивность доисторического славянства. А когда нужно, он умеет щегольнуть строгим реальным рисунком. Стоит взглянуть [на] его рисунки натурщиков, сделанных в мастерской Кормона.

Любовь Рериха к древности - искренняя. Она сквозит у него повсюду. С какой проникновенностью он писал этюды с гибнущих памятников русской старины! Эти древние церкви, эти полуразвалившиеся терема времён ещё удельного периода живут у него какой-то странной жизнью. Он сумел почувствовать их громоздкую неуклюжесть, их наивную и своеобразную красоту. Прежде чем написать картину, он вынашивает её. Вы можете ответить: всякий впечатлительный художник вынашивает свою картину. Не в этом дело. Рерих специализировался на языческой эпохе славянства. Для того, чтоб правдиво трактовать её, надо самому на время стать язычником, пантеистически верить в стихийные силы природы, верить в каменных и деревянных идолов. Надо предположить, что на тебе, вместо модной визитки, звериная шкура... Процесс, как видите, не из лёгких. Что же делал для этого Рерих? Он на целые месяцы удалялся в глушь Псковской губернии, рылся в курганах, выкапывал сохранившиеся остатки славянской утвари, оружие.

Прибой реки выбрасывал на влажный берег каменные ножи, топоры, молотки с просверленными отверстиями для рукоятки. Художник окружал себя этими предметами, думал о них, о тех людях, которым они принадлежали.

Таким образом, понемногу создавалось общение. Пред глазами вставали целые вереницы почти сказочных образов, вставали косматые, полуголые люди, которые чувствовали по-другому, не по-нынешнему... любили, сражались, веселились и веровали.

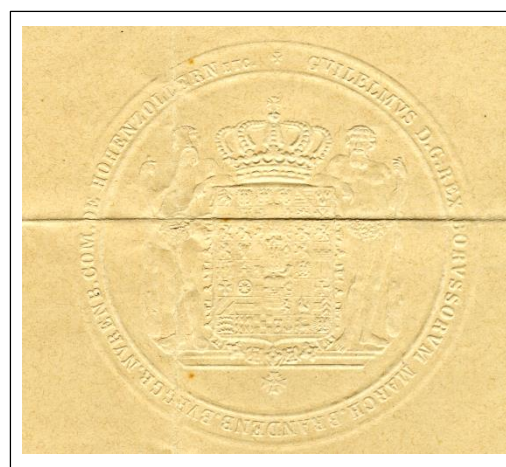
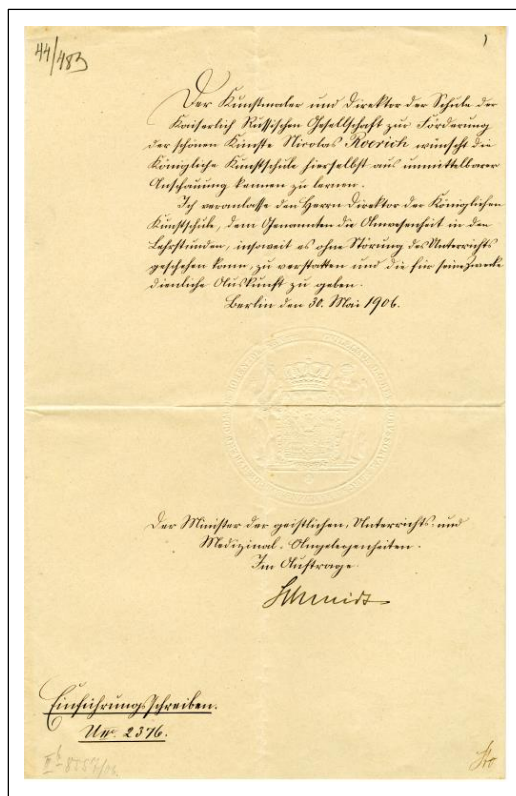
Запад, которому чужд мир наших славянских предков, оценил Рериха. Его выставки в Вене и Праге были триумфальным шествием. Из газетных отзывов составила целая литература. Художественные журналы посвятили нашему соотечественнику целые отдельные номера с фотографиями и репродукциями картин.

Необходимо заметить, что выставки эти устраивал он не по собственному почину. Его приглашали с тем условием, что и перевозка картин и организация выставки не потребует никаких материальных затрат. Всё - на счёт тех обществ, которые желали видеть у себя русского гостя. Если мы примем во внимание, как вообще экономны люди Запада и как скептически они относятся ко всему чуждому вообще, а к русскому - в особенности, - это явится красноречивым показателем интересности творчества Рериха.

Ник. Брешко-Брешковский

Санкт-Петербургские ведомости. 1906.20 мая / 2 июня. № 110.

**17/30 мая 1906 г. Берлин.
Разрешение, полученное Н.К. Рерихом на право присутствовать на уроках
Берлинской школы живописи.**

Документ. Фрагмент с печатью (увеличено)
(Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/483, 1 л.)

Перевод с немецкого:

Художник и директор Школы Императорского Общества Поощрения Художеств Николай Рерих желает познакомиться с Королевской школой искусств путём собственного обозрения.

Я даю распоряжение господину директору Королевской школы искусств разрешить вышеназванному присутствовать на уроках, если это не помешает занятиям, а также дать ему служебную информацию по его запросу.

Берлин, 30 мая 1906 г.

[печать]

Министр гуманитарного образования и медицинских дел

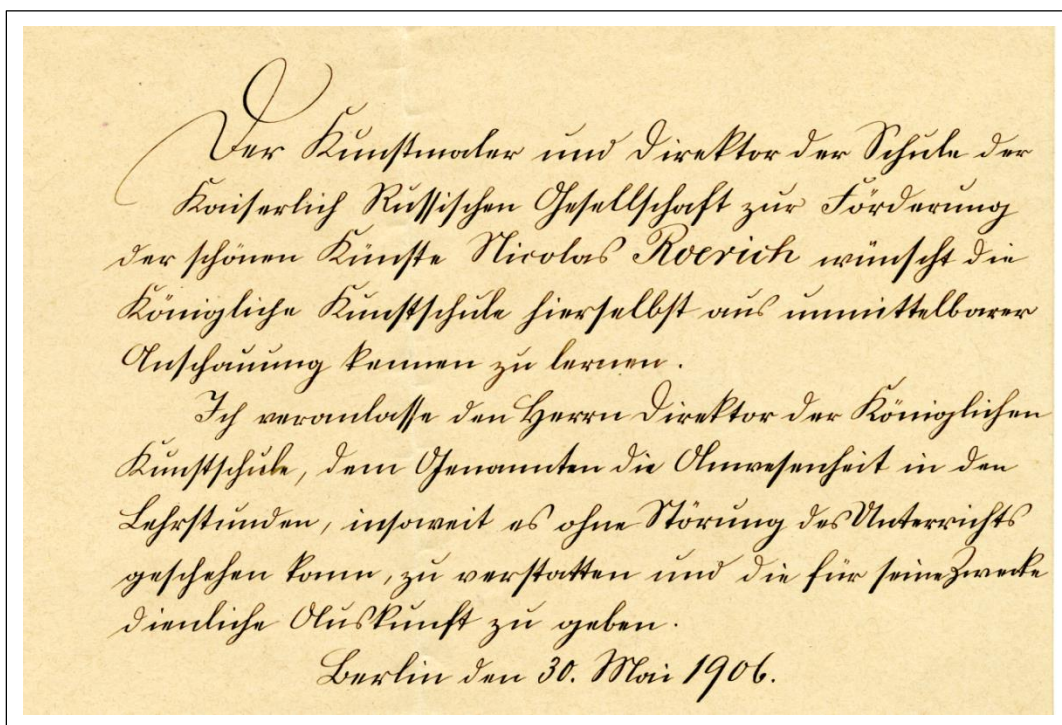
По поручению

Шмидт [подпись]

Входящий номер

UR. 2376

Перевод с немецкого Андрея Люфта

(Фрагмент)

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/483, 1 л.

Der Kunstmaler und Direktor der Schule der Kaiserlichen Russischen Gesellschaft zur Förderung der schönen Künste Nikolaus Roerich wünscht die Königliche Kunstschule hierselbst aus unmittelbarer Anschauung kennen zu lernen.

Ich veranlasse den Herrn Direktor der Königlichen Kunstschule, dem Genannten die Anwesenheit in den Lehrstunden, insoweit es ohne Störung des Unterrichts geschehen kann, zu verstatten und die für seine Zwecke dienliche Auskunft zu geben.

Berlin, den 30. Mai 1906

[Amtssiegel]

Der Minister der geistlichen Unterrichts- und Medizinal-Angelegenheiten Im Auftrag

Schmidt [Unterschrift]

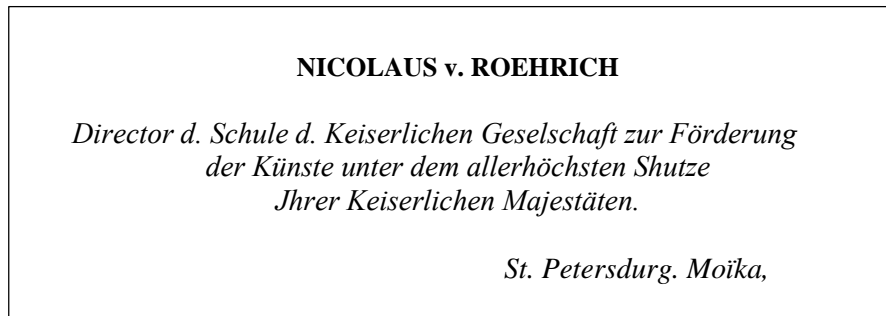
Einführungsschreiben

UR. 2376

Адаптировал с готического курсива⁵ на совр. немецкий шрифт Вилли Августат

⁵ Готический курсив, также известный как куррент – это устаревшая форма скорописи, созданная на основе позднесредневекового курсива. Этот шрифт получил наибольшее распространение в Германии и иногда его называют “старонемецким шрифтом” (Alte Deutsche Schrift). В Германской империи куррент использовался не только для нанесения памятных и дарственных надписей на портретах, но и при написании целых писем.

Визитная карточка Н.К. Рериха на немецком языке.

Перевод с немецкого:

Николай фон Рерих

*Директор Школы
Императорского Общества Поощрения Художеств
под высочайшим покровительством Его Императорского Величества*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/512, 1 л.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

В 1906 году Комитет Общества Поощрения Художеств поручил мне ознакомиться с заграничными художественными школами. Со мною поехал и мой помощник. Первый осмотр школы в Берлине сопровождался любопытным эпизодом. Когда мы обратились к дирекции школы и предъявили наши широкоформатные документы, то результат получился совершенно неожиданный. К нам отнеслись очень почтительно, но сказали, что посещение таких именитых гостей должно идти через министра. Когда же я спросил, как скоро эта процедура закончится, мне сказали, что она возьмёт неделю или две недели времени. Между тем у меня уже были назначены свидания в Париже. Мой помощник упал духом и говорит: "Этак мы никогда не успеем осмотреть всё намеченное". Я его успокоил, говоря: "Если нам помешали большие бумаги, то пойдём с малыми". Так и сделали - на другой же день пошли в качестве желающих поступить в школу. Ходили по всему зданию, отовсюду нас вежливо гоняли, говоря, что раньше нужно побывать в канцелярии у регистратора. Мы, конечно, не сразу нашли путь к этой канцелярии и попутно побывали во всех классах и даже обращались с разными вопросами. В канцелярии нас снабдили всеми нужными сведениями, и так как нам ничего больше не нужно было получить, то мы спокойно отъехали в Париж. Официальное разрешение осмотреть школу нагнала меня уже в Швейцарии. С удовольствием вспоминаю посещение мастерской Ходлера; и картины его и сам он мне очень понравился. Шауб-Кох поэтому-то и хочет писать статью "Рерих Ходлер - Сегантини".

Н.К. Рерих. Эпизоды. 1939 г.

«[Н.К. Рерих]...воспользовавшись официальным отпуском, с апреля по сентябрь, совершил поездку за границу. Начавшись Женевой и Парижем, эта поездка была главным образом путешествием по Италии...»

Листок из архива Н.К. Рериха:

[План путешествия по Италии 1906 г.]

Суббота } Воскрес. }	Милан	Вторник } Среда }	Perugia
	Понедельник. Генуа, Genova		
Вторник } Среда }	Пиза	Четв. } Пятница }	Флор. Florenza.
		Субб. } III. Воскр. }	
Четверг } Пятница }	S. Gemignano.	Понедель. } Вторн. }	Равенна
Суббота } I. Воскрес. }		Среда } Четв. }	
		Пятн. }	
Понедель. } Вторн. }	Сиена Siena	Суббота } IV. Воскрес. }	Болонья
Среда } Четв. }	Орвието	Понедель. } Вторн. }	
Пятница } Субб. }	Рим	Среда } Четв. }	Верона
II. Воскр. } Понед. }			

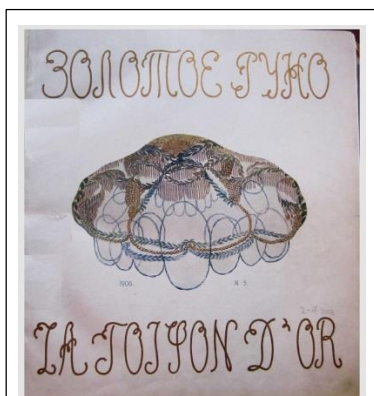
Справа на полях:

Viedge hotel des Alps
Hotel de la Poste

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/25, лл. 17, 18.

ИЮНЬ

Обложка журнала «Золотое руно». 1906. № 5.

5 июня 1906 г. Москва.

Письмо Н. Тароватого к Рериху Н.К.

«ЗОЛОТОЕ РУНО»
«LA TOISON D'OR».
ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И КРИТИЧЕСКИЙ,
МОСКВА.

5 июня 1906

Многоуважаемый

Николай Константинович.

Благодарю за «XXIII листок», который пойдёт в ближайшем №. Очередной, 5-ый номер несколько задерживается частичной забастовкой типографчиков в Москве. Почти отпечатанный он не может выйти, и появится, верно, не раньше 15-го июня. Долго ли Вы пребудете за границей? Работаете ли сейчас в дороге, или совершенно посвящаете себя отдыху? Кстати, где Сер[гей] Конст[антинович]? О нём ничего не слыхал уже давно.

Не откажите сообщить, куда Вам высылать летние номера «Руна».

Имею Вам сообщить, что №№ 7-8-9 «Руна» выйдут одним выпуском, посвящённые, в художественном отношении, собранию московских редких икон (по указ. и со статьей А. Успенского). Быть может, Вы пожелаете к этому номеру дать 2-3 виньетки в старорусском характере. Часть виньеток исполняется Билибиным.

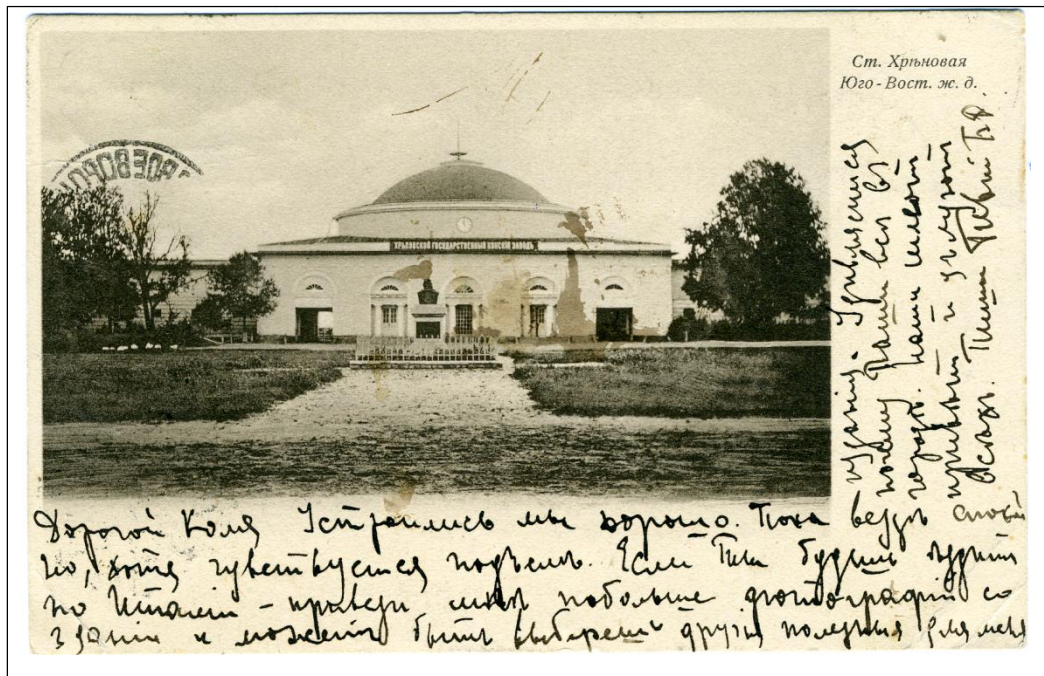
Считаю не лишним сообщить Вам сроки выхода этого номера – 15 Сентября с/г. Но материал собирается сейчас, и к печати приступили быстро. Сообщаю Вам на всякий случай, что гонорар за виньетки определён в «Руно» в размере 15 рублей за обыкновенную концовку или заставку.

Пребываю в ожидании Ваших дальнейших сообщений.
С совершенным уважением и преданности

Н. Тароватый

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/805. 1 л.

6 июня 1906 г. Ст. Хреновая Воронежской губ.
Открытое письмо Б.К. Рериха к Рериху Н.К. (6. 06.1906)

Ч/б. фото, справа сверху надпись : Ст. Хреновая Юго-Вост. ж.д.

Швейцария Geneve Hotel Всllcгне
A Monsieur Nicolas Roerich
Hotel lu Pare
Villars s/Ollon
Hotel Muveran

На штемпелях даты: Хреновое. Ворон, г. / Geneve / Villars – Sur
6. VI. 1906 / 25. VI.06 / 26. VI. 06

:

Дорогой Коля

Устроились мы хорошо. Пока везде спокойно, хотя чувствуется подъем. Если Ты будешь ездить по Италии - привези мне побольше фотографий со зданий и музеев, и может быть выберешь другие полезные для меня издания. Удивляемся, почему Ваши все в городе. Наши шлюют привет и целуют всех.

Пиши

Твой Б.Р.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1197. 1 л.

Из воспоминаний Н.К. Рериха о Швейцарии...

«Швейцария. Лето 1906 года. Приехала ясновидящая. Многие хотят побеседовать с нею.

«Хотите ли она прочтёт в закрытой книге?»

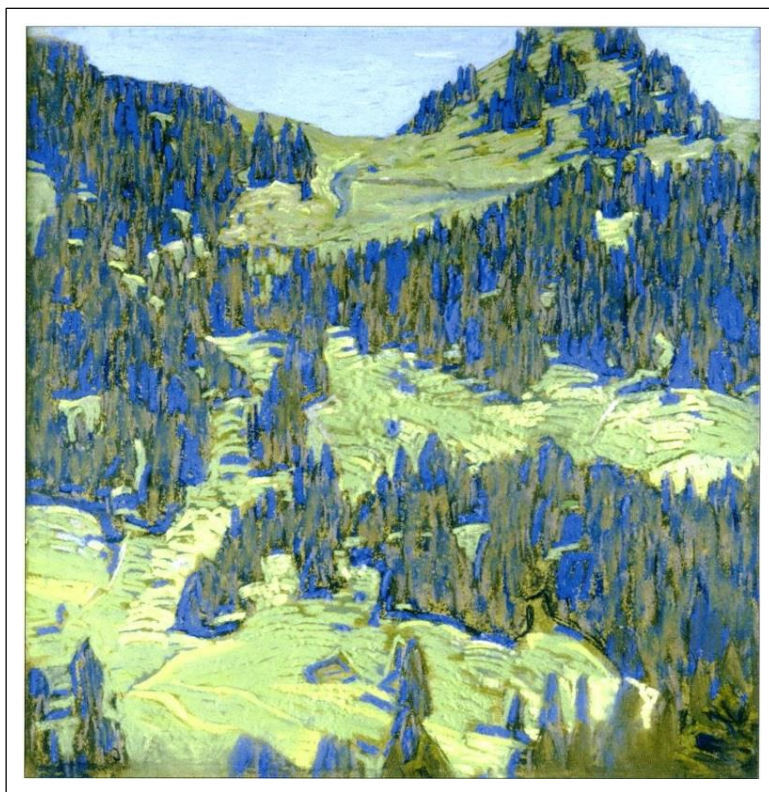
В это время Е.И. приносит с почты какой-то закрытый пакет с книгой из Парижа. Е.И., не раскрывая пакета, называет страницу и строчку, и женщина, с закрытыми глазами, читает это место, точность которого тут же при всех и проверяется при вскрытии книги.

«Где мы будем жить следующее лето?»

Следует описание каких-то водных путей. При этом добавляется: «Вы едете на пароходе. Кругом вас говорят на каком-то языке, который я не знаю. Это не французский, не немецкий, не итальянский; я не знаю этого языка».

На другой год мы, совершенно неожиданно, жили в Финляндии. Затем следовали описания судьбы моих картин в Америке, на выставке, устроенной Гринвальдом. Затем, как видно теперь, были описаны потоки крови великой войны и революции, смерть императора, а затем начало учреждений в Америке. При этом была любопытная подчёркнутая подробность, что в новых делах будет очень много исписанных листов бумаги. Разве это указание не характерно, когда припомним всю многочисленную переписку со всеми учреждениями в разных странах».

Н.К. Рерих. Бывшее и будущее. 1935 г. (фрагмент)

Н.К. Рерих. Шамоссер. 1906.

Замок. Руины. 1906.

10 июня 1906. Женева.

**Записные листки Н. К. Рериха
XXIII. Марес и Бёклин**

Если суждено искусству вступить в новую фазу приближения к мирскому и обновить «линию» жизни, - какие пересмотры предстоят! - поразительно! Сколько признанного, сколько излюбленного придётся отодвинуть, чтобы строить Пантеон красоты многих веков и народов.

Спрячутся некоторые любимцы и выступят другие, и с бóльшим правом.

В новых дворцах света, тона и линии забудем тёмные пространства музеев. Не холодной системой — свободным, творческим течением мысли будем отдыхать в них. Будем находить подходы к искусству иные, чем к положительному знанию, без всякого приближения к этой противоположили области.

Велики примеры Востока; трогательны прозрения примитивов; блестящи искры Расцвета; поразительны светлые дерзновения импрессионистов. Длинная нить - далёкая от фальшивого, близорукого реализма, чуждая всякой пошлой мысли. Этими путями идём вперёд; обновляемся к чутью краски-тона; очищаем наше понимание слова «живопись». В таких границах мы делим понятие рисунка, тона и построения - трёх разных задач часто самостоятельных.

Бесчисленны пути Красоты. Ясные, прямые пути убедительны впечатлением. Малейшее чуждое, привходящее, разрушает смысл и чистоту вещи. Маски в искусстве противны. Противна маска живописи на рисунке. Бессмысленна фреска в красках, лишённая творческой гармонии тона. Нужна открытая, громкая песнь о любимом; нужны ясные слова о том, что хочешь сказать, хотя бы и одиноко.

И каждый должен искать в себе, чем повинен он перед искусством; чем не мудро заслонял он дорогу свою к блестящему «как сделать». Иногда ещё можно отбросить ненужное; иногда есть ещё время ускорить шаг. Сознание ошибок не страшно.

Прекрасны для нас сокровища тех, что прошли прямою дорогою искусства. Смотрим на них с бережливостью; без страха отодвигаем повинных в уклонении. Это — жизнь.

О Бёклине написан длинный ряд отличных статей. Знаем его место среди больших мастеров, завоёванное трудом и силою среди насмешек и брани. Каждая его картина подробно объяснена. Большая сила! Но почему сначала он был так неугоден толпе? Чем он провинился? Неужели теми немногими холстами, где есть пятна настоящего тона? Но таких вещей не очень много; в массе работ он должен бы быть другом толпы... Недоразумение! — он говорил им любезное, часто даже приятное их духу и уровню, а они из-за немногих мазков не рассмотрели его, не признали многих приятельских жестов. Вольно или невольно, он принёс им большую часть своего дарования. Много, может быть, себе дорогое, отдал неблагодарному народу, а его всё-таки гнали. И даже хвала толпы под конец жизни не всегда могла заглушить отзвуки прежних речей.

И тут же, почти в то же время, говорил другой, широко обращался кругом, но в словах его было гораздо меньше угодливости так называемым лучшим чувствам толпы, и его просто не слушали. Его считали ненужным и неопасным и даже гнать не хотели. Даже не столько сердились, сколько пожимали плечами и качали головами.

Марес проходил незамеченным.

Смешно и жалко подумать: всего несколько отдельных людей проникли и поняли Мареса; всего несколько людей во всю жизнь!

Он говорил только во имя Искусства, и толпа была чужда ему; чуждый ей, он грезил украсить залы выставки для каких-то неведомых людей. Но случайно проходящим мимо искусства — что были его красочные откровения? Его истинные украшения зданий жизни?

Толпа не шла к его холстам; его стенописи, которые должны бы вести толпу, подымать её в минутах отрешения от окружающего, оставались для неё далёкими, холодными, бездушными. А ведь живопись Мареса была вовсе не бесформенна, — наоборот, он глубоко понимал форму и гармонию её с живописью. Это не были только красочные симфонии, — у Мареса все картины полны глубокой художественной мысли. Но его рассказ был тончайшим видением поэта, мыслью художника, без всякой примеси, без вульгарности, под покровом только настоящей живописи.

Мыслить только художественно — обыкновенно уже преступление; облечь полотно в чудесные ризы — для толпы уже недоступно. Какую же ценность на проходящем рынке могли иметь мечты Мареса о Гесперидах, о волшебных садах с чудным тоном листвы? Чистые мысли Мареса о прекрасных телах, в их эпической простоте движения насыщенных переживаниями красок? Рассказы о вечном, достойные лучших стен!

Видения, святые, всадники, рыцари, чудовища... Те же стремления, как у Бёклина, и другая, совершенно другая дорога.

Сравнения мало к чему служат, а в искусстве особенно. Но бывают поразительные сопоставления, которые бьют по глазу, кричат в ухо о случившемся.

Марес и Бёклин теперь встретились на Столетней выставке в Берлине; встретились многими холстами. Кто-то поставил их рядом. Кто-то захотел, чтобы о Маресе и Бёклине задумались решительно. Для памяти Мареса эта выставка — сущий праздник; жаль, что нельзя было собрать и ещё его вещей.

Но что случилось со всем, что так хорошо выходит в воспроизведении из картин Бёклина, что случилось со всем этим от соседства Мареса? Всё, о чём многие думали и о чём уже хотели говорить, сразу стало ясным.

Труднее судить рисунки; можно всегда спорить о построении, но тон всегда говорит за себя, и только отсутствие противопоставления иногда временно спасает его достоинство. Тон, конечно, первое качество живописи, наиболее абсолютен, и в нём главное требование к живописцу. Мысль только отчасти заслонит глаз рефлексом в другие центры; построение и рисунок стоят отдельно, и без живописи картина —

ободранный скелет, жёлтый, обтянутый и страшный в тёмном углу музея. Золото лаков дружелюбно этим подкрашенным рисункам; фотография передаёт их отлично, тон ей не мешает.

Кто был на Берлинской выставке, тот видел праздник и рядом мертвенную умственность картин Бёклина. Что-то тайное стало явным и непоправимым. Какой-то новый зубец колеса повернулся.

Женева. 10 июня 1906.

Золотое руно. 1906. Июнь. № 6. С. 78-80. /Текст на русском и французском языках./

Н.К. Рерих. Стена в горах. 1906.

Записные листки Н.К. Рериха XXX. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Художественная промышленность - какое унижительное слово! В то время, когда искусство стремится проникнуть снова за пределы холста или глины, когда искусство доходит до мельчайших закоулков жизни, тогда-то мы своими руками устраиваем ему оскорбительные препятствия. Из боязни большого мы хотим оторвать от искусства целые широкие области; мы знаменуем это отделение унижительным именем: промышленность.

Стоит ли говорить об имени? Конечно, имя не более как относительный звук; пусть оно только условность без обязательств, - ведь как могут причастные и служащие защищать прозвание целой области искусства? Но ведь таким же порядком и всё условно; всегда приходится говорить только о степени условности. И менее всего уместна обидная приблизительность там, где любим. Для посторонних прохожих неизвестное название ничего не обозначает, но не так для ближайших...

И не об одном только названии говорится. Печально то, что название это сознательно укрепляет существенную грань в пределах искусства. В силу этой грани в искусство часто допускается многое ненужное, а драгоценные начатки погибают.

Может ли быть промышленность нехудожественной?

Нет. Нет, если искусство действительно должно напитать глубоко всю жизнь и коснуться всех творческих движений человека. Ничто этому условию не чуждо. Само фабричное производство - это неизбежное зло - должно быть порабощено искусством. Раскрытые двери музеев, привлекательные объяснения и лекции пусть скажут о великом, вездесущем искусстве каждому рабочему.

Может ли быть часть искусства, в отличие от прочего, промышленною?

Нет. Или, думая цинично, всё искусство промышленно, или для культурного мышления искусство в целом остаётся всеосвящающим, всеочищающим понятием, всюду раздающим свои благодатные дары.

Допустим школы искусства. Они могут быть высшие и низшие. И пусть младшие растут в общении с опытом старших и добровольно проходят ступени любимого дела. Посвящённые и послушники везде есть. Но послушники эти, усвоив умение, должны иметь возможность посвящения по доброй воле во все степени таинства. С первых шагов младшие должны почувствовать всё обаяние дела и искать то, что ближе другого суждено им. В этом - тайна учительства, открывающего пути.

Но представьте теперь человека, мало знающего, иногда случайно пришедшего к искусству. Целый ряд лет ему всячески вбивается в голову, что многое не должно быть ему доступно, что его художественный удел должен быть ниже судьбы других. Как вящее вразумление такому человеку даются и уменьшаются права гражданские, преступить которые почти невозможно. Когда все права от искусства должны быть уничтожены, тогда они не только существуют, но ещё и отделяют друг от друга деятелей одной сплошной области.

Вместо художника, прошедшего краткую школу, которому возможен подъём и совершенствование, получается раб заклёпанный, почти без доступа в прочие степени мастерства. Бесконечное неудовлетворимое желание высшего блага; постоянное стремление бросить своё, часто превосходное по задаче, и идти туда, куда «почти нельзя». Значение дела исчезает. Обособленность сверху и снизу растёт.

Мы выделяем особую касту, забывая об общей участи всех каст.

Раб «художественной промышленности» настолько же нелеп и жалок, насколько некультурен художник, затворивший себе все двери выявлений творчества, кроме холста или глины.

Устраивайте как можно больше общеобразовательных и технических учреждений, делайте их даже обязательными и бесплатными; раздавайте в них права и всё, если что нужно, но область искусства оставьте вне общего, только в законах вечных слов красоты.

Кажется, всё говоримое безмерно старо и просто. Всё это само вытекает из широкого понятия искусства. Вспоминать об этом, да ещё говорить, даже стыдно.

Но тут же мы помним, что ещё только у нас делается. Ведь только теперь открываются школы обособленной художественной промышленности. Только что разработаны и дополняются постепенно их штаты. Ведь этот раскол живого организма мы только ещё начали регламентировать. Мы ещё так далеки от сознания негодных действий, что только начинаем наивно удивляться уродливым явлениям приложения искусства к жизни. Число жертв подсчитать мы собираемся ещё очень не скоро.

Вся история культуры и искусства нам, конечно, не нужна. Слишком её рассказы мало оправдывают наши хотенья. Мы всегда стараемся укрыться от зловещих исторических вех и только своим горбом проделать ненужно длинный путь.

Подумайте! Только изредка видно широкое допущение выражений творчества. Только кое-где школы искусства открывают двери всем его проявлениям, и такие шаги, конечно, встречаются насмешкою, в лучшем случае - недоверием. Самые почтенные деятели далеки от сознания, что пуговица работы Челлини выше сотен, так называемых картин, что анонимная, почти кустарная Танагра часто выше сложнейших и задуманнейших машин скульптуры. Высокое и низкое искусства всё-таки тор-

жественно обособлены и обставлены метрономами. И покуда поворачивается грузный руль, сколько ещё ни в чём не повинных будут проклинать то, чему их учили, и, «окончив ученье», переучиваться сначала. Сколько жалких, мало знающих будут погибать в море приблизительного и неосновательного обязательных курсов.

Пока мы думаем так, в типографиях снова печатаются будущие дипломы с правами; мы изыскиваем, не сделать ли их красивее - наружно, конечно, - они чужды внутренней красоте.

Вексель искусства! Но кто уплатит по ним?

Вычеркнем слово «художественная промышленность», его можно зачеркнуть — оно только на бумаге. Не нужно отдельных от искусства «художественно-промышленных» школ. Надо учить единому искусству, всеукрашающему, нужному и прекрасному во всей жизни.

Золотое руно. 1907. Июнь. № 6. С. 58-59.

11 июня 1906. СПб.

В ИМПЕРАТОРСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ

Ввиду того, что директором Рисовальной школы Общества назначен художник Н.К. Рерих, в составе преподавателей предстоят значительные перемены. Так, по чтению лекций истории искусства вместо бывшего директора академика Е.А. Сабанеева назначен г. С. Маковский, лекции по истории художественной промышленности (в связи с предметами, хранящимися в художественно-промышленном музее имени Григоровича) поручено будет читать г. И. Лазаревскому. Ввиду успеха постоянной художественной выставки и ежемесячных художественных аукционов, при ней устроенных, решено, с начала осени текущего года, выставку расширить и, наивозможно чаще, пополнять новыми произведениями, преимущественно наших молодых художников, аукцион устраивать по два раза в месяц. И выставкой, и аукционами заведует секретарь Общества поощрения художеств В.И. Зарубин.

Санкт-петербургские ведомости. 1906. 11/24 июня. № 127.

12 июня 1906 г.

Письмо С.К. Маковского к Н.К. Рериху

12 Июня 1906 г. Reichenhall, Villa Gödel.

Дорогой Николай Константинович,

Вы там пишете мне о том, что нам «надо свидеться», как будто Вы совсем этого не хотите. Я не могу сказать того же о себе, и вовсе не только «для переговоров о лекциях»; просто хочется на перепутье провести с Вами денёк-другой. Но, может быть, все Петербуржцы (и я в том числе) так утомили Вас, что Вы имеете tonus lis < raibnis> de <...>pas <insister> ... В таком случае, буду настаивать я - <... vous de'pluse!>

Итак, через месяц я буду проездом в Швейцарии. Вы меня известите, где будете отдыхать от Петербурга. К этому времени, и я помешаю Вашему отдыху между двумя поездами. Это решено.

Относительно Парижской выставки вы пишете так неопределенно, что я не могу взять в голову, а когда она устраивается и <какая> выставка. Впрочем, я предлагаю, что неясность и тут объясняется участием <«...ных цветочков»> Он производит на меня впечатление «рыжего» в цирке: всё что-то хлопчет, устраивает, суетится и ничего путного у него не выходит.

Ну, а какое впечатление оставила на Вас его жена? Пожалуйста, напишите. Я привык относиться к Вам, как к непогрешимому психологу. Судя по Вашему молчанию, я решил, что впечатление более, чем скептическое... Я знал хорошо <Наталию Васильевну> барышней, теперь не видел её года два. Меня очень интригует, как отразилась на ней, <«la grande vie»> Парижа. Из глупой девочки с пышным обликом и красивой внешностью – что с ней случилось?

В Reichenhall'н я уже два дня. Льёт дождь. Холодно. Но устроился я очень уютно. Одиночество полное, тишина заколдованная, воздух – нектар. Начал работать, пишу заметку в <«Страну»>.

Между прочим, об удивительных скульптурах <...>. Выставка его произведений только что открылась в Берлине. Это уника. Нигде не было такого русского мастера в скульптуре. И о нём все молчат у нас. Удивительно и впечатлительно. Так лучших художников выбрасывает Россия. Боюсь я, что и Вы сделаетесь иностранцем, после успехов «на Западе». Да, как дела с <М...>? Я писал сестре ещё <раз.>. Она мне ответила, что подробно написала Вам. Вы получили это письмо? Передайте, пожалуйста, мой привет Елене Ивановне и Вашим наследникам.

Жду известий.

Ваш Сергей Маковский

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/943, 2 л.

В июне в Вене была открыта выставка произведений Н.К. Рериха.

(Весь. 1906. Июль. № 7.)

ВЕСТИ ОТОВСЮДУ

Выставка художника Рериха в Вене открылась в галерее Miethke и продлится до 1 июля. Несколько вещей продано. Пражские журналы “Volne Smery” и “Dilo” посвятили художнику большие статьи.

Золотое руно. 1906. Июнь. № 6. С.96.

[Июнь 1906 г. Вена.]

Письмо ... к Рериху Н.К. (Б/д.)

Многоуважаемый Николай Константинович.

Простите, что я не сразу ответила на Ваше письмо. Дело в том, что я уже довольно долго болею – была на выставке Вашей, которая открыта с половины Мая – Вещи из Парижа пришли (числом 7) без помеченной цены, а именно № 47 – 48 – 49, мозаиковые фризы, № 67 .- «Modly», № 8 Devassari Abuntu сильно пооблупилась, очевидно уже до приезда сюда.

Итак, Вы можете быть спокойны – всё приехало и всё в исправности, насчёт цен – пришлите их прямо Miethke, я передам Ваше желание, в случае надобности уступить. Они продают по назначенной цене, и берут с этой суммы уже свои 15 процентов. Продано, насколько я заметила, 2- 3 вещи. Я заказала Miethke собрать уже бывшие рецензии и пошлю их Вам, как только получу; в общем, и с выставкой тихо – несколько посвящённых интересуются и в восторге, но вообще, венцам не понять Вас.

Я распорядилась, чтобы было приглашено русское посольство – но появился лишь один какой-то секретарь, обладающий какой-то картиной Мккарти и несведующий. Открытки почему-то не присланы. Развешаны и помещены вещи хорошо. – Вам приходится себе пробивать дорогу и <составлять> имя – за границей.

Я очень счастлива, что видала Ваши работы. А ещё чувствую успокоение, что Россия художественная в хороших руках. – В этом меня, кроме других впечатлений, убедила лишней раз Ваша живопись. Больше других вещей люблю «Бой», «Вавилонская печь», «расстрел самоедов», фризы майоликовые.

Дайте знать, если где остановитесь на более долгий срок. Пришлю Вам туда рецензии. Желаю Вам всего хорошего.

Привет Вам и супруге Елене Ив-не.

(подпись)

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/782, 2 л.

Н.К. Рерих. Альпы. 1906.

**[До 16] июня 1906 г. По дороге в Геную.
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.**

Милый и дорогой Мисик.

Пишу из вагона, чтобы ехать в Геную. Русский отдел совсем не готов. Шнейдер приедет в Августе. Выставка – сбродная.

По тоннелю ехать 20 минут, стало жарко до 30 градусов. Места удивительно кра[сивые] до туннеля, а потом хуже. Проезжали Палланцу и Isoles Vogromees – какая гнусность! Как мы могли сидеть там.

Пиши мне, дорогой мой человек! – и приезжай поскорей. Писать трудно. Ещё напишу утр[ом]. Значит, на 1 день раньше, чем в расписании. Пиши одно письмо Пизу и потом S. Gimignano и туда напиши, куда приедешь, – если подождать, я лучше в S. Gimignano подожду – поработаю. Приезжай! Приезжай – Сиену. Право, разница небольшая, а увидеть Рим – так нужно. Перевези всех в Villars в конце недели и во Вторник – махни. А билеты закажи в Женеве – Кукку.

Утро. Сейчас сообщили, что в Воскресенье, пожалуй, не достать ящики из конторы! – это глупо, если здесь ещё ночь просидеть придётся.

Перед Генуей ехали длиннейшим тоннелем. Сейчас ем яйцо, пью кофе и иду.

Целую крепко, крепко. Приезжай

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/360, 2 л.

**16 июня 1906. СПб.
Хроника**

ИСКУССТВО И ХУДОЖНИКИ

Новый директор [школы] Общества поощрения художеств Н. К. Рерих и секретарь г. Зарубин успели уже проявить себя. Деятельность Общества становится шире и интенсивнее. Приложены старания к расширению постоянной художественной выставки Общества. Два раза в месяц будут устраиваться аукционы картин и других художественных произведений, имеющих на выставке.

Предстоят также перемены в составе профессоров. Лекции по истории искусства поручены С. Маковскому, лекции по истории художественной промышленности - И. Лазаревскому.

Биржевые ведомости. 1906. 16/29 июня. Утренний выпуск. № 9344.

[17 июня 1906 г. Генуя]

Открытое письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И. (На штемпеле: Geneva – 17 июня 1906.)

Suisse. Geneve. Quai du Lemman.
Hotel Bellevue.

A Madame E. Roerich

Милый Мисик.

Если получу ящики, сегодня же уеду Пизу. Не жалею, что не видала Геную. Кроме частей собора и palazzo Дожа – ничего. Дворцы в узких, тёмных

улицах. Гавань полна вони, бочек и пароходов. Впечатления не производит. Море само по себе хорошо.купаются. Тепло, но жары нет, и до сих пор не было. Целую крепко *Н.Р.*

Пришлось взять гида, иначе не найти дворцов.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/273. 1 л.

[17]июня. 1906 г., Генуя.

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Дорогой Мисик.

Так я и не получил сегодня ящиков. Придётся переслать их в Пизу, ибо ещё сидеть в Генуе незачем и дороже Пизы. Такая чепуха с этими пересылками. Нет хуже воскресений в городе. Весь город осмотрел с 9 час. до 2 часов и больше делать нечего. От старой Генуи почти ничего нет. Несколько хороших отдельных картин. В церквах в середине пёстро. Можно было даже и не заезжать. Замечательно, как что-ниб. многие хвалят – должно быть не очень важно.

Жара здесь лёгкая, но все в фуфайках. Гид говорит что без фуф[айки] летом прямо невыносимо.

Жду письма в Пизу. Куда приедешь?

Сегодня ездил в трамах – воняет от итальянцев отвратительно.

Целую всех. Выезжаю в 7 и в 11 1/2 час. в Пизе. Там ост[ановлюсь] Hotel Minerva. В Милане видел Бильбасова – рус. отд[ел], как всегда, не готов. Крепко целую дорогого Мисю.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/358. 1 л.

17 Июня [1906 г.] Женева.

Письмо Е. И. Рерих к Рериху Н. К.

17 Июня

Дорогой мой Майчик.

Скучно без тебя, вчера целый день глаза были на мокром месте, а сегодня письмо Зарубина увеличило мне скверное настроение. Он просит разрешения воспользоваться твоим жалованьем за два месяца с обещанием вернуть тебе при первой возможности целиком или же частями. Ему хочется переменить квартиру, а без денег это невозможно. Обращается же он к тебе, зная, что ты уже теперь в деньгах не нуждаешься. В Обществе всё тихо. Во имя дружеских отношений он просит написать чистосердечно и прямо согласие или отказ, если ты рассчитываешь на эти деньги по приезде, чтобы ни в каком случае его предложение не нанесло тебе никакого ущерба. Если же это предложение тебе улыбается, то в письме к нему просит прислать заявку на имя Богданова, чтобы он выслал деньги за два месяца как будто переслать тебе.

Хотелось бы ему помочь, но это совершенно невозможно. Вчера у нас было финансовое заседание и пришло к печальному результату - выяснилось, что, заплатив все женевские расходы и сделав мне платье в 150 р., денег у нас не хватит даже на прожитие до 15 Августа.

Нам самим необходимо будет выписать рублей 800. Об Италии и думать нечего. Настроение у нас довольно скверное, боимся за финансы и скучаем без тебя. Юсик тоже скучает.

Вчера не хотел гулять без тебя, все вспоминал, а сегодня ужасно обрадовался твоему письму и пристаёт, чтобы я ему помогла написать тебе. Целый день не расставался с твоей карточкой – пошёл гулять и взял с собою. Славный мальчишка.

Пиши почаще и возвращайся как можно скорее.

Целую без конца.

Береги себя

Лада

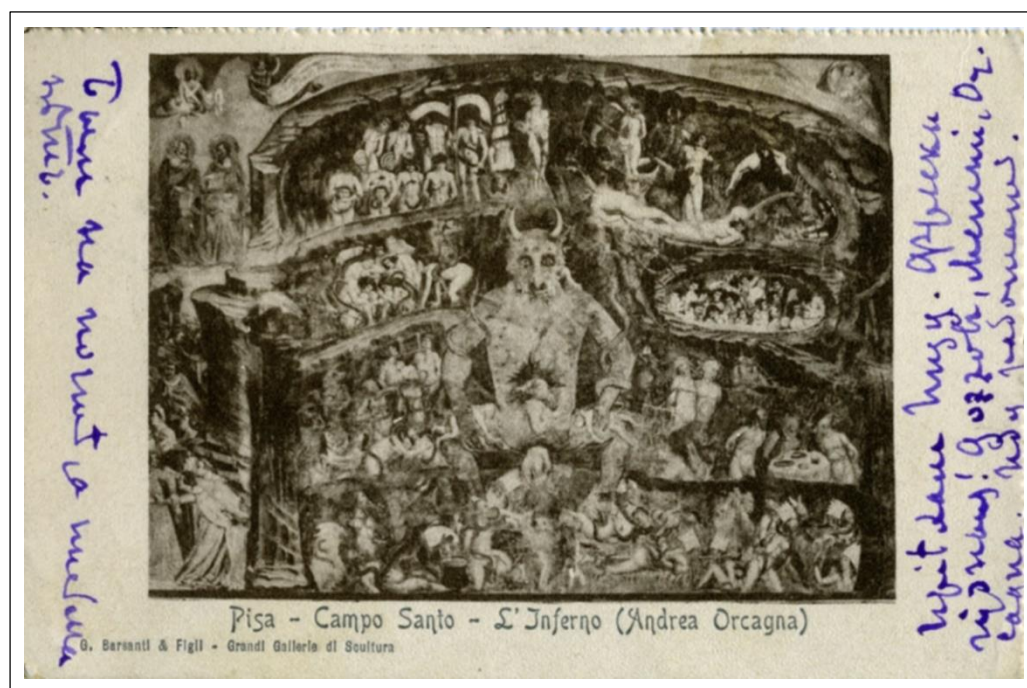
Из <Вены> писем нет.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1219, 2 л.

[18 июня 1906 г.] Пиза.

Открытое письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

с ч/б фото с фрески Андреа Орканья «Ад»]

Ч/б фото, внизу надпись :

Pisa - Campo Santo - L'Inferno (Andrea Orcagna).

G. Barsanti & Figli - Grandi Gallerie di Scultura

Приехал Пизу. Фрески чудные! Gozzoli, <М...>, Orcagna. Иду работать.

Был на почте, а письма нет.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/326, 1 л.

Н.К. Рерих. Копия-этюд фрески художника Бенноцо Гоццоли в Пизе. 1906.

18 Июня. [1906 г., Пиза]

Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Рерих

18 Июня

Дорогой, миленький Мисик.

Сегодня уже 4 часа, а письма от Тебя нет – не понимаю. Неужели ты не увидишь примитивов на месте – как это красиво. И какой это ключ ко многому. Если бы Тебе в Сиену приехать. Постарайся – право, стоит. На зелёной лужайке среди мраморных панелей – базилика Пизы, около - стена и башня. Хорошо. Ехал хорошо. С каменщиками и рабочими – но народ славный, прощаются за руку, называют “camrade”.

Пробовал сделать этюд, но стена слишком сложна, не охватить.

В сундуке произошло разрушение красок. Карандаши воткнулись в одну коробку акварели. Благодаря переборкам платье не пострадало. Раздавлены два фл[акона] фикс[атора] пастельного. Ящики мои так ещё и не получены. Если и завтра их не пришлют в Пизу – не знаю, как быть.

Рапалло – ничего не стоит, хорошо что не поехали. Кроме того, итальянцы говорят, что там летом жить нельзя. Плажа нет.

Махни Мисик в Сиену. На ночь перейдёшь в I класс, а днём и в *signore sole* сидеть можно. А зато на всю жизнь какой кругозор. Теперь ни Пювис, ни Денис

не удивят. Известно, откуда они взяли. Ведь подумай – на всю жизнь! Что такое 500-600 рублей?

Ожидаю в S. Gimignano. Via Emboli Poggibonza подробных сведений – куда приедешь.

Вчера съел в Генуе целую пригоршню раковин в масле (вкусно!!) и салат из крошечных рыб. Лангуст – арагоста! Продают черепах.

Приезжай, приезжай, приезжай.
Всех целую и жду известий.

Н. Р.

Жарко и будет гроза. Гром.

Н.Р.

Отдел рукописей Р ГТГ, ф. 44/363, 1 л.

[18, 19 июня 1906., Пиза]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Пиза.

Дорогой мой Мисек.

Вот уже вечер, а письма всё нет. Мне странно, что нет ни Мися, ни письма. Как бы мы тихонько походили вечером – вечерами очень хорошо. Я думаю, что Тебе приехать необходимо. Сейчас это стоит 600 руб., а потом будет стоить 2000 р. Даже и расчёт простой. А потом с каким удовольствием вернёшься в Швейцарию, к снегу и зелени. Генуя – это ничто. Пиза - уже много, а дальше пойдёт всё значительнее. Лучше мы в Виченце не остановимся и в Вероне, а Рим и Сиену захватить нужно. Ну да что говорить – сама знаешь, как это нужно, и, наверно, сделаешь всё возможное. Ведь не для того же мы тащили Мульку, чтобы съездить в Париж?

Значит, ожидаю.

Фотогр. здесь по 1 франку – большие.

Второй день в Пизе, мог бы ехать, но ни письма Твоего, ни известия о ящиках. Посылаю о ящиках телеграмму и думаю всё-таки до 5 час. получить Твоё письмо. А вдруг по расписанию Ты начнёшь писать в день прибытия в город. Не может быть!

Очевидно, приходится ехать без письма и без ящиков. Дал приказ их послать в Villars. Так как у меня краски Рафаелли, то ими можно и по бумаге работать. Тогда по гипсу поработаю в Швейцарии.

Еду в 5 час. в St. Gimignano. Напиши туда хоть два письма, ибо пробуду дня 4. Здесь написал один этюд – для себя. Краски попали. Материалу много. Крепко целую и огорчён нежеланием написать. *Твой Н.*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/357, 1 л.

«Здесь написал один этюд – для себя...»

Н.К. Рерих. Синяя роспись. 1906.

**[19-20 июня 1906 г. S. Gimignano]
Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Рерих**

Милый и родненький мой Мисик.

Так без Твоего письма в St. Gimignano приехал, - надеюсь завтра утром найду на почте. Ехал вечером на извозчике. Красиво! – сотни светящихся мушек летают, просто сказка. Города не видал, темно, но, кажется, внушительное что-то.

Среда. Утром был на почте и опять никакого письма. Это, однако, скучно – уже 5 день еду и ни строчки, ну хоть бы открытку.

Своим положением St. Gim. превосходен. Масса каких-то глыб, башен, уступов. Сделал ещё этюд. Пастелью много удобнее, чем маслом. Фрески многие, к сожалению реставрированы.

Напиши же куда приедешь. В Сиену или куда? В Субботу вечером а, может быть, утром уеду в Sien'у. Если приедешь Hôtel Gr. Hot. Continental.

Боюсь, что S. Gimignano Ты соскучилась бы. – Провинция невероятная. Прямо деревня. Через 2 часа всех и всё знаешь.

Нанял мальчишку за лиру в день носить палку и отгонять ребят. Славный мальчишка, услужливый, но что говорит – ничего не понять. Вообще с языком туго, ну да ничего обойдусь. Сочинил абсиде для Голубева. Ничего себе. Почему бы Ты ничего не писала. Беспокоюсь.

Вспоминают ли мня Юшка и Светка. Мальчишка спрашивал, много ли у меня бамбинов. Я говорю: due.

Giugnano напоминает немного завод какой-то, – уж очень высоки башни. Теперь их 13, а было 102!!

Сейчас 9 часов – ложусь спать, завтра 9 часов на работу. Сегодня сделал два этюда.

Целую крепко Мисика и очень огорчён, что не пишешь. Вечером хорошо. Всё синё. Что из России – не понять, а кажется, очень худо.

Поцелуй Юшку и Светку и Мульку. Небось, малыши не вспоминают. Когда приезжаешь?

Всё-таки свинство 5 дней не писать.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/369, 1 л.

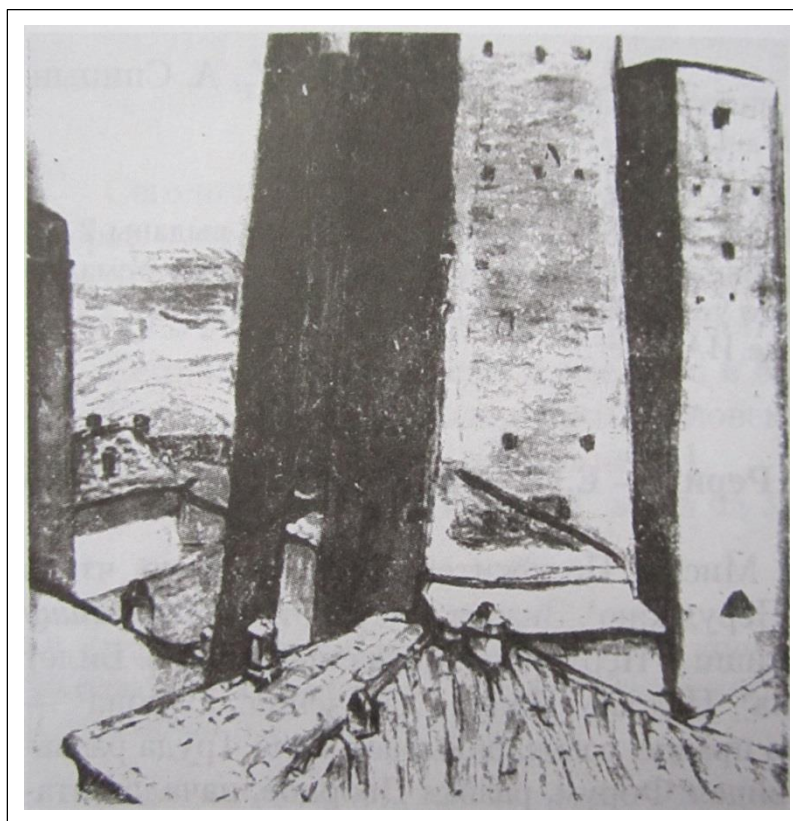

«Сегодня сделал два этюда...»

Н.К. Рерих. Сан-Джиминиано. 1906.

Н.К. Рерих. Сан-Джиминиано. 1906.
(Ч/б. изображение)

[21 июня 1906. San Gimignano]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Сейчас получил письмо⁶ – оно меня очень опечалило. Просьба Зарубина меня удивляет, ибо я писал ему, чтобы выслал деньги сюда, ибо денег выходит много. Напиши ему, что я уехал, а мои адреса такие неверные, что писать мне трудно – всё в переездах. Может быть, ему разрешить за месяц с возвратом осенью? Если можно, напиши ему. Как это неприятно. Всюду деньги между становятся. А я, мол, вернусь через месяц не ранее.

Напиши лучше, что, если прийдёт Ермаков 200 р., то их, а жалование я, мол, просил всё выслать.

В виду печальных соображений сегодня уезжаю из S. Gimignano. Значит, *Пятницу в Сиене* - расписание передвигается.

Целую всех крепко. Мне сегодня особенно было скучно – верно, перед письмом. Неужели нельзя приехать? А может быть?

Целую всех

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/359, л. (Письмо написано карандашом).

⁶ См. выше - Письмо Е.И. Рерих от 17 июня, Женева.

(22 Июня [1906 г., Женева])

Письмо Е. И. Рерих к Рериху Н. К.

Дорогой Майчик. Пишу два слова - сейчас сообразила, почему ты не получаешь моих писем . - Я не могу писать на адрес Отеля, т. к. пишу ранее получения адреса *Poste restante*. Вчера послала письмо на Сиенну *Poste restante*.

Получила письмо из «Золотого Руна» Благодарят за XXIII листок⁷, кот. пойдёт в ближайшем номере. № 5 задерживается забастовками. Сообщают, что №№ 7, 8, 9 выйдут общим выпуском, посвящённым собранию Московск. редких икон по указ. Успенского. Может быть ты пожелаешь дать 2-3 виньетки в Старорусском характере. Часть виньеток исполняет Билибин. Срок выхода этого № 15 Сент., а материал собирается сейчас.

Гонорар за виньетки определён в размере 15 рублей за обыкновенную концовку или заставку. Я думаю, что не следует братья за это!

Читал ли, как у нас в России скверно? Новостей у нас нет, - разве, вот что Светка объелся, и приходится уезжать в понедельник, вместо субботы. Он немножко умнеет, очень чисто говорит променег и Звetchка.

Целую тебя крепко

Лада

22 Июня

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1220, 1 л.

[22 Июня 1906 г. С.Джиминиано]

Открытое письмо Н.К. Рериха к Юрию Рериху

«Gimignano напоминает немного завод какой-то, – уж очень высоки башни. Теперь их 13, а было 102!! ...»

⁷ Записные листки Н.К. Рериха. XXIII. Марес и Бёклин. – *Ред.*

Suisse. Geneve.
Quan du Leman. Hotel Bellevue.
Georg Roerich

(На штемпеле дата: 22 GIU 1906 San Gimignano)

Целую милого Юсика. Напиши мне письмо. Пошли маму ехать.
Н. Рерих

Приезжай Флоренцию. Заруб[ин] отказал.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/274, 1 л.

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«В Сан-Джеминиано при нас открыли палату при церкви, замурованную после одного из средневековых чумных бедствий. В прекрасноташенном городе ничто не напоминало больше о чёрной заразе. По вычислениям было известно, что чумная зараза уже иссякла и палату можно было открывать. Конечно, народ ещё боялся и немногие рисковали входить в эту высокую залу, расписанную фресками Гоццоли. Конечно, замурованность этой палаты, прежде всего, благотворно отразилась и на сохранности самих фресок. Некому было их перечищать или перемывать и чистить».

(Н.К. Рерих, «Крылатая чума», 1935.)

***[22 июня 1906 г.] На пути в Сиену.
Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Рерих***

Дорогой, бедный Мисек.

Не пиши Зарубину ничего, я напишу сам и сообщу, что без жалованья мне и в Россию не вернуться.

Сейчас еду в Сиену – буду спешить, хотя и теперь не медлю.

Пиши теперь в Рим, и всё-таки приезжай в Флоренцию. Хотя 3 места пови-
дать. А ведь и Зермат!

Целую всех. Еду. Люблю очень Мися и ...

[на этом письмо кончается].

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/361, 1 л.

*[Пятница. (22 июня 1906 г.) Сиена]
Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Рерих*

Пятница Сиена

Родненький Мисик мой.

Письмо Твое совсем меня огорошило. Как без поездки 800 руб.? Не может быть. Спрашивается, зачем же мы тогда тащились такую даль? Ведь и около Кёнигсберга есть дачи недорогие. Ради Бога, уезжайте скорей из этой проклятой Женева – дернул чёрт нас забраться туда.

Просто невероятно, чтобы Ты хоть во Флор. не приехала.

Уж коли выписывать 800 р., то и ещё 300 не разорят. Непременно приезжай. У меня ещё сокращение. В Понедельник уже буду в Риме. Напиши туда одно письмо, а затем в Перуджию. В S. Gimignano писем не было.

Сегодня неделя, а имею одно письмо. Пиши, пожалуйста, сильно вперёд. Иду смотреть.

От 9 до 3 осмотрел всё – много хорошего. После Твоего письма не могу писать этюдов.

Да и как-то странно, приезжая на день, писать 1 этюд в городе, где так много интересного.

Завтра Субботу рано утром еду в Орвието, и вечером в Риме – пиши прямо в Рим. Что, скоро еду?

Купил фотографий – больше по 75 сантимов.
Хорош собор и отдельные картины.

Где-то Твои письма – я так думал ещё одно в Сиене, был на почте, и нет ничего. После письма в Рим, пиши сейчас же Perugia и напиши, когда будешь во Флоренцию. Ведь надо же и Тебе проехаться – не можешь и представить, как меня это удручает. Точно сыну не смог дать высшего образования. Для Мульки это ничто, а для меня – всё. Как же так, мой дорогой Мисик не увидит примитивов – ну хоть во Флоренцию. Падаю и Винченцу выкинем.

Махни, Миска.

Тепло, но не слишком. Если бы Ты знала, сколько я хожу. Целую Юсика и всех. Если вспоминаешь – значит, хорошо.

Очень люблю Тебя.

Н. Р.

Пятница.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/370, 2 л.

*Пятница. [22 Июня 1906 г.]
Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Рерих*

Пятница

Миленький мой Мисек. Сегодня получил Твоё 2-е письмо. Очень рад ему и очень огорчён за Тебя. Но всё-таки приезжай во Флоренцию, право, это уже не так дорого, а Флор. и Рав. стоит посмотреть. Зарубину я отказал, написал, что без жалованья мне не вернуться домой, кроме того, и за Дозор и за Метер-линка получим, а у меня уже и мотив для Голубевской абсиды готов, тоже скоро пойдёт осенью.

Ведь подумай – когда попадёшь в Италию? И разве все угрызения мои и Твои не стоят каких-то 300 рублей? Полагаю, что ехать Тебе необходимо – ведь и в Зермат заедем, это экономия – один мой конец из Villars'a не будет стоить.

Теперь, когда Тебе выехать? Завтра в Субботу я в Орвието, Воскр. Понед. Втор. Среда – Рим, Четверг, Пятница – Перуджия, Суббота через неделю во Флоренции. Значит Тебе ехать в Пятницу – возьми билет у Кука в Женеве. Во Флоренции Hôtel условимся Hôtel Arno (Lungarno Acciajoli), 4) или Hôtel *Stalia*, если там занято!

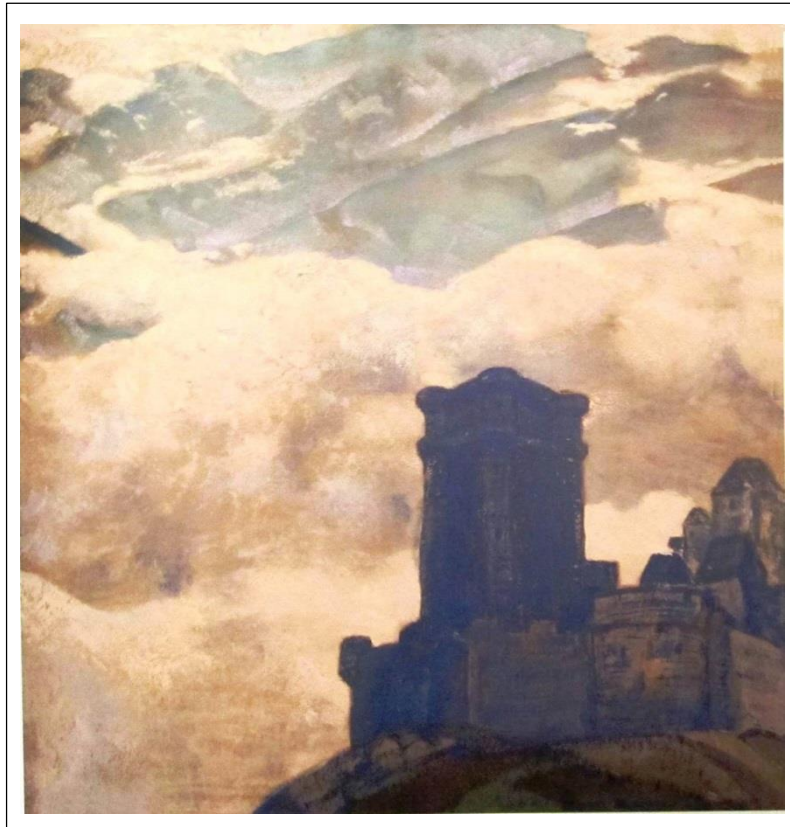
Завтра не придётся написать, ибо багаж пошлю прямо в Рим и в Орвието в Hôtel не зайду. Если бы не гиды (а без них и без языка невозможно), то всё бы дёшево обходилось.

Ящики вышлют прямо в Виллар. Когда туда переезжаешь? Сундук совсем не пострадал бы, если бы мы подложили бумагу на дно, там где лежала бумага – там ничего. А куда вытек фиксатив – неизвестно. Ещё успеешь Мисек написать в Рим. К сожалению, меньше 4 дней там не пробыть. Не понимаю, где же эта ужасная жара в Италии? Ничего не чувствую. Послал Ел. Маковской открытку.

Целую всех. Чёрт на открытке ещё не из лучшего. Тут ключ и Ростову, и Шаванну, и Денису, и Маресу.

Жду и целую крепко дорогого Мися.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/362, 1 л.

Н.К. Рерих. Замок. 1906.

ЗАМКИ ПЕЧАЛИ

Идёте по замку.

Высокая зала. Длинные отсветы окон. Тёмные скамьи. Кресла.

Здесь судили и осуждали.

Ещё зала, большая. Камин в величину быка. Колонны резные из дуба.

Здесь собирались. Решались судить.

Длинные переходы. Низкие дверки в железных заплатах. Высокий порог.

Здесь вели заподозренных.

Комната в одно окно. Посередине столб. На столбе железные кольца и тёмные знаки.

Здесь пытали огнём.

Высокая башня. Узкие окна. Узкая дверка. Своды.

Здесь выслеживали врага.

Помещение для караула. Две старые пушки. Горка ядер. Пять алебард.

Ободок барабана.

Сюда драбанты кого-то тащили убить.

Ступеньки вниз. На колоннах своды. У пола железные кольца.

Здесь были осуждённые.

Подвал. Перекладина в своде. Дверка на озеро.

Большой плоский камень.

Последняя постель обречённых.

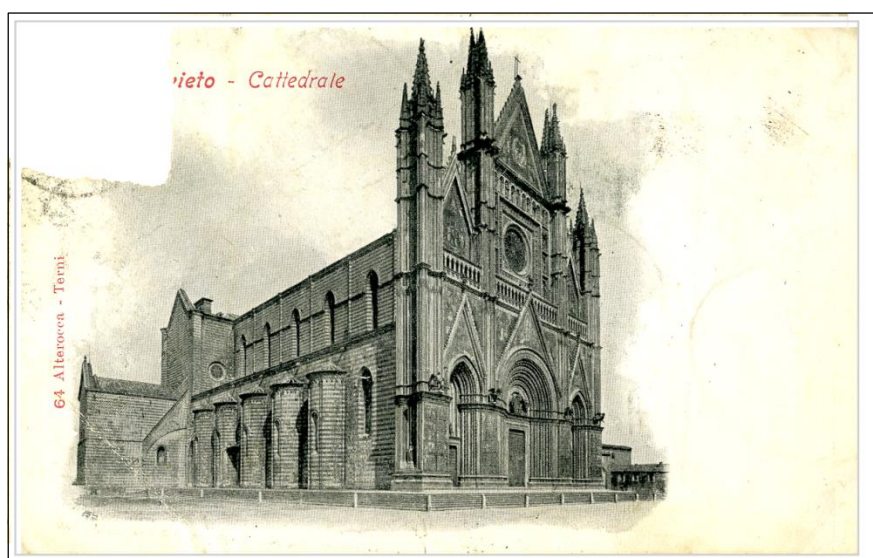
Двор у ворот. Камни в стенах. Камни на мостовой. В середине столб с
 кольцом.
 Кольцо для шеи презренного.
 Молельня. Тёмный, резной хор. Покорные звери на ручках кресел.
 Здесь молились перед допросом.
 Тесная ниша. Длинное окошко в залу совета. Невидимое око, тайное ухо.
 Здесь узнавали врагов.
 Исповедальня. Чёрный дуб. Красная с золотом тафтяная завеса.
 Через неё о грехе говорили.
 Малая комната. Две ступени к окну. Окно на озеро. Тёмный дорожный
 ларец. Ларец графини.
 Около него не слышно слова печали.
 Не в нём ли остались искры радости или усмешка веселья?
 Или в нём везли горе?
 Всё, что не говорит о печали, слёзы выели из серого замка.
 Проходила ли радость по замку?
 Были в нём весёлые трубы. Было твёрдое слово чести. Было познание
 брака.
 Всё это унесло время.
 Долго стоят по вершинам пустые серые замки.
 +И время хранит их смысл.
 Что оставит время от наших дней? Проникнуть не можем. Не знаем.
 Если бы знали, может быть, убоялись.

[1906]

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих. Собрание сочинений. Книга первая. Из-во И.Д. Сытина. М. 1914.

24 Июня 1906 г. Орвието.

Открытое письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Открытое письмо с ч/б фото собора: Orvieto-Cattedrale.

Swizzera. Suisse. Geneve ~~Quai du Lemán~~ ~~Hôtel Bellevue~~
A Madame E. Roerich и Юрику

Переадресовка:

Hôtel du Park. Villars s/Ollon.

Суббота.

Из Орвието еду в Рим. Осмотрел Этрусский Некрополь – 7 миль длиною. Собор хорош, но фрески мало сохранились. Стоит город красиво. Очень устал, встал в 5 утра, а приеду только в 10 вечера!

Приезжай во Флоренцию, Равенну, Верону.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/277, 1 л.

Из воспоминаний Н.К. Рериха об Италии:

«**В**спомнилось и другое предание о кладе. В Италии, в Орвието, мне рассказывали знаменательную легенду о захороненных художественных сокровищах. Сказание относилось чуть ли не к самому Дутчио или к одному из его современников. Говорили высоким слогом, который так идёт славнозвучному итальянскому языку.

«Так же, как и теперь, и в прежние времена не всегда понимали лучших художников. Затемнённому глазу трудно было оценить образы особо высокие. Требовали лишь исполнения старых правил, но красота часто не бывала доступна. Так же случилось и с великим художником, о котором мы говорили. Лучшие из картин его, вместо того, чтобы восхвалённо умилять сердца людей, подвергались осуждениям и насмешкам. Художник долго выносил это несправедливое к нему отношение.

В божественном экстазе он продолжал творить многие произведения.

Вот однажды написал он предивную Мадонну, но это изображение завистники воспрепятствовали поставить в предназначенное ему место. И случилось так и не раз, и не два, а несколько раз. Если ехидна начинает ползать, она заползёт и во дворец, и в хижину.

Но художник, уже умудрённый и зная безумие толпы, не огорчился. Он сказал: «Птице дано петь, и мне дано в силах моих восхвалять высокий образ. Пока птица живёт, она наполняет мир Божий пением. Так, пока живу, буду и я славословить. Если завистники или невежды препятствуют моим образам, то не буду я вводить злых в горшие ожесточения. Я соберу отвергнутые ими картины, уложу их сохранно в дубовые сундуки и, пользуясь благорасположением моего друга аббата, скрою их в глубоких монастырских подземельях. Когда будет день сужденный, их найдут будущие люди. Если же по воле Создателя они должны остаться в тайне, — пусть будет так».

Никто не знает, в каком именно монастыре, в каких сокровенных подземельях скрыл художник свои творения. В некоторых обителях, правда, случалось находить в криптах старинные изображения. Но они были одиночны, они не были намеренно уложены, и потому не могли относиться к кладе, захоро-

ненному великим художником. Конечно, и в подземельях они продолжают петь «Славу в Вышних», но искателям кладов не посчастливилось найти указанное самим художником.

Конечно, у нас много монастырей. А еще больше храмов и замков лежит в развалинах. Кто знает, может быть, предание относится к одному из этих уже разрушенных и сглаженных временем останков.

С тех пор думали люди, что великий художник перестал писать картины, но он, слыша эти предположения, лишь усмехался, ибо с тех пор он трудился уже не для людской радости, но для красоты высшей. Так и не знаем, где хранится этот клад драгоценный».

«Но уверены ли вы, что этот клад сокрыт в пределах Италии? — спросил один из слушателей. — Ведь уже в далёкие времена люди бывали в чужих странах. Может быть, и клады так же неожиданно разбросаны или, лучше сказать, сохранены в разных странах». Другой собеседник добавил: «Может быть, эта история относится вовсе не к одному мастеру. Ведь людские обычаи повторяются часто. Потому-то мы находим в истории постоянные как бы повторения человеческих и заблуждений и восхождений».

Н.К. Перух «Тайны». 1935.

24 июня 1906 г. Reichenhall,
Письмо С.К. Маковского к Н.К. Перуху

Reichenhall, Villa Goedel.

24 Июня. 1906 г.

Дорогой Николай Константинович,

Спасибо за дружеское письмо и за открытку из Пизы (письмо из Петербурга мне тоже переслали). Спасибо и за милое приглашение встретиться в милой Италии. Это было бы так хорошо! В первую минуту чуть было не стал укладываться. Так и повеяло на меня дубовыми рощами Умбрии, старыми церквями и полуразрушенными Castello. С Вами путешествие приобрело бы новую прелесть... но благоразумие взяло верх. Я положительно ещё не гожусь в спутники. Только начинаю приобретать «лик человеческий». Очень замучила меня эта зима. Но в Villars мы, ничего, встретимся! И не от «поезда к поезду». И выпьем с Вами доброго Asti <spiritus> в залог настоящего братства.

Здесь было бы очень тоскливо, если бы не моё стихотворное настроение, которое не покидает меня вот уже больше недели. Дни идут за днями незаметно, легко, как во сне. «Муза» говорит обыкновенно грустные вещи, но когда хорошо её расслышишь, на душе становится весело. Все накопившееся за долгую пору вынужденной суеты и мелкомыслия просится наружу. Сначала я искал слов, как неопытный школьник. Но забытые слова вернулись, и теперь я иду к ним – в леса и горы, где красота неба вынуждает быть строгим к красоте человеческих слов.

То, что Вы пишете мне о Париже, меня не удивляет. Первое впечатление всегда такое. Париж – великий - эксплуататор. Нужно хорошо знать его, чтобы перехитрить. И тогда он становится источником бесконечных наслаждений. Впрочем, я воспитан на французской культуре, и потому каждый уголок Парижа говорит моей мысли... Видели ли Вы работы Шаванна в <Сор...> и в атуше? Что скажете о солнечных панно <Мартэна> ?

Берлинская выставка меня тоже пленила. Но не Бёклин и не Марес, а Лейбель и Трюбнер. Мареса я нахожу <..ным>, Бёклина <... ..> фальшивым... Да, от него нет пути. Гениальный поэт, заблуждавшийся живописец. Мы посетили также «большую берлинскую выставку». Вот ужас! Но, в ретроспективном отделе, портрет Менцеля художника <Ходовяки> - изумителен. Вообще, Менцель!

Чувствую, что никогда не кончу, если начну делиться с Вами впечатлениями. До свидания. Буду писать опять в Женеву.

Ваш Сергей Маковский

Привет Елене Ивановне.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/944, 2 л.

**[Воскресенье. 25 июня 1906 г. Рим]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.**

Милый и дорогой и хороший Мисик.

Положительно выясняется, что в Среду днём мне уже можно ехать в Перуджию. Значит, в Субботу или Пятницу вечером я буду во Флоренции. Напиши в Перуджию, когда выезжаешь. Билет мой: Флоренц. Болонья, Равенна, Падова (Падуя), Виченца, Верона – чтобы и Тебе тот же путь был.

Рим по правде разочаровывает меня. Груда развалин, красноват. цвета. Сегодня видел Форум, развал. дворцов, начало катакомб, Via Appia, Porta Furba, дворец короля, Forum Traiani, Капитолий, Музей Капитолия. Завтра Ватикан, Св. Петр, Сикстинская капелла, Галерея изящ. Искусств.

В этнограф. Музее отличный каменный век. Есть и фигурки вроде наших – все из Италии. Да, был еще в St. Giovanni – там кардинальск. служба и отличная мозаика апсиды, но всё остальн. позднейшее.

Сегодня письма не получил – верно, завтра утром.

Когда же переезжаете? Не просидеть бы хорошую погоду в городе! Сегодня очень жарко. Ты бы сморилась, а я, ничего, ходил себе, даже гид удивился: какой жар, говорит. И сейчас – вечер, а голова-то всё-таки мокрая.

Какое чудесное местное вино (50 сант). Какой аромат – прелесть. Напиши в Перуджию, когда выезжаешь – быть в Женеве и не приехать во Флоренцию – ужас! Ведь когда у нас ещё такой заработок будет, чтобы до Женевы доехать? Ты мне даже кам[енный] век уложила и Швейцар. путеводитель – поедешь не ищи. Приезжай Миска!!!

Целую крепко всех. Юсик бережёт ли Маму?

(Флоренц., Hôtel Arno,)

Н.Р.

Воскресенье вечер

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/295, 2 л.

[25 июня 1906 г. Рим]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Hôtel de Milan. / Rome
E. DELVITTO *propr.*

Дорогой и милый Мисик, получил 3-е письмо Твоё. Не понимаю, почему письма не доходят, - пишу каждый день, а иногда и по два раза. В Среду выезжаю из Рима.

Со мной ещё 1000 лир не тронуты, а Рим это 7-ой город из 12-ти намеченных. Значит, около 500 лир в запасе. Ведь Тебе прибавить билет до 300 лир, т.е. меньше 200 руб. и Ты увидишь Италию, Флор. *Это необходимо сделать.* Иначе вечно жалеть будешь.

Без отговорок поезжай Флоренцию Hôtel Arno в Пятницу – и я в Пятницу к вечеру приеду. Паспорт не спрашивали.

Не знаю, переехали ли Вы, и пишу то же самое в Вилляр. В Перуджию напиши, а лучше *телеграфируй poste instante*, когда именно выезжаешь.

Целую крепко и жду непременно Флоренцию. Если мы неумно распорядимся деньгами, то это экономия 200 р. тоже совсем негожая. Твой

Майчик

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/327, 1 л.

[26 июня 1906. Рим]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Hôtel de Milan.
Rome

Дорогой Мисик

Пишу такое же письмо и в Женеву – не знаю, которое дойдёт. В Среду выезжаю из Рима, и у меня ещё 1000 лир не тронуты, а Рим 7-й город из 12 намеченных. Значит, 500 лир в запасе. Ведь Тебе прибавить билет и 300 лир, т. е. меньше 200 рублей - и вся средняя Италия осмотрена с лучшими памятниками. 200 р. не деньги и потому без отговорок выезжай в Пятницу во Флоренцию. Телеграфируй *poste instante Perugia*, когда именно выехала.

Я буду Пятницу вечером Флоренц. Hôtel Arno. Тут никаких отговорок быть не может. Вещей бери меньше. У меня масса лишнего и всё самое лёгкое. Всё-таки тепло.

Если бы Ты только знала, сколько я исходил сегодня, даже гид взмолился, и всё по солнцу по жаре. Здоров, но сейчас очень устал, беру ванну и ложусь. Масса впечатлений. Нельзя не ехать – горько пожалеешь.

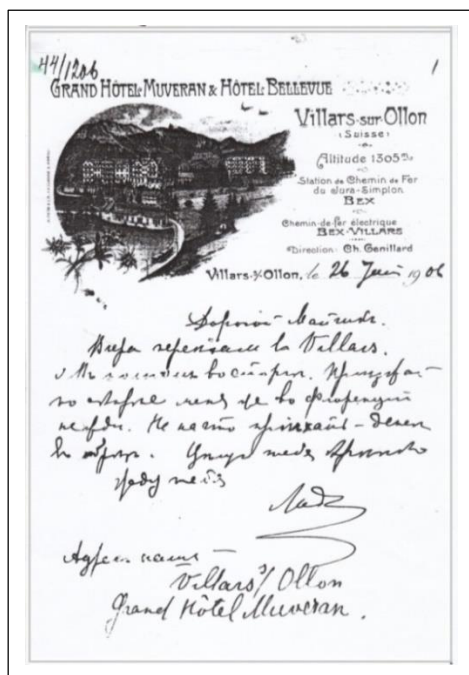

В Риме ещё письма Твоего не было. Было из Орвието.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/329, 1 л.

26 июня 1906 г.

Письмо Е.И. Рерих к Рериху Н.К.

Автограф письма

Villars sur Ollon /le 26 Juni 1906

Дорогой Майчик.
Вчера переехали в Villars. Я в полном восторге. Приезжай поскорее, меня же во Флоренции не жди. Не на что приехать – денег в обрез. Целую тебя крепко,
жду тебя
Лада

Адрес наш:

Villars - s / - Ollon / Grand Hotel Muveran

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1206, 1л.

[26 июня 1906 г. Рим.]

Письмо Н.К. Рериха к Рериху Е.И.

Вторник

Hôtel de Milan. Rome

Дорогой мой, бедный Мисек.

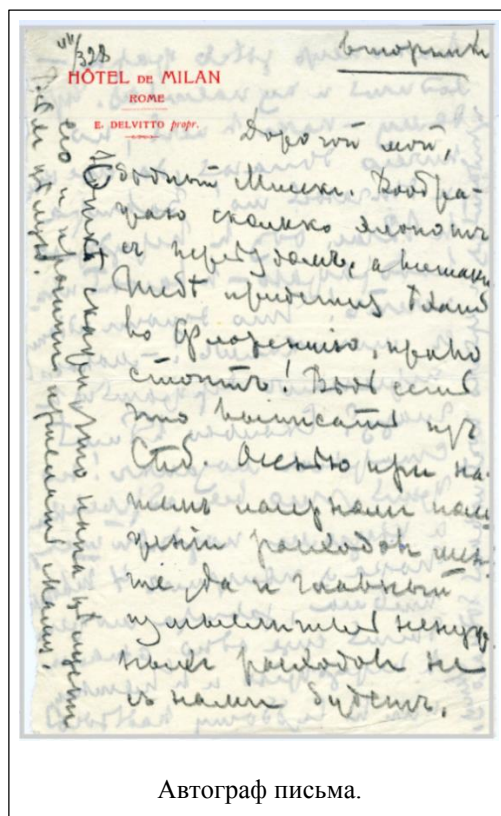
Воображаю, сколько хлопот с переездом, а всё-таки Тебе придется ехать во Флоренцию, право, стоит! Ведь есть что выписать из СПб. Осенью при нашем лагерном положении расходов меньше, да и главный уменьшитель ненужных расходов не с нами будет.

Наконец здесь жара – ходим и купаемся. Из дому – как в печь, но ничего, двигаюсь, да ещё как и двигаюсь-то! Завтра в 12 час. еду в Перуджию, воображаю – в вагоне припечёт! Что этот идиот с моноклем? – монокль перестал держать в глазу?

Сколько в Риме старых мозаик! но жаль, что всё обрывки, а кругом позднейшее.

Пока я получил 4 Твоих письма, завтра может быть ещё одно, а там в Перуджию и в Пятницу или в Субботу, надеюсь увидаться и крепко поцеловать бедного Мися.

Юшке скажи, что папа целует его и просит прислать маму.
Всех целую.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/328, 1 л.

[26 июня 1906 г.] Рим.

Открытое письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Вторник

Милый и дорогой и хороший Мисек мой.

Сейчас 12 час. ночи. Уложился. Жарко. Скучно мне без Миска моего. Чувствуешь ли, какую экономию времени я сделал. Ведь в Пятницу - на II нед. я должен был приехать в Рим, а я в Среду уже уезжаю. Почти неделя. Остаётся ещё с лишком 1000 лир, а теперь кроме Флоренции нет дорог. города, значит 500 лир остаётся на Мися. Если ещё 200 Тебе добавить, то и хватит. А сколько вспомнить-то будет. За весь этот конец можно пожалеть о Пизе и о Сиене. Рим, в общем, не понравился. Всё покойники, мёртвое, обломки - и ничего из них не сложишь, а восхищаться тому, что на месте улицы был форум Веспасиана, трудно, ибо трамвай проходит.

Человек с кокардой говорит: вон могила Ромула, - опять неубедительно. Но на что мастера итальяшки - это сольды вытягивать. Подойдёт, скажет два, три слова, - слушай, не слушай, а сольдо подай и так во всякой церкви, у всякой колонны. С гидом ещё лучше, он ругается и отгоняет.

Я думаю, наряду с Билибиным мне нечего виньетки делать – видишь, на что свести хотят! Везу до 100 фотографий и столько же открыток, - материал большой. Воображаю, сколько хлопот с переездами со всей артиллерией. Юрик-то мал помочь, а Мулька велика слишком.

Бедный Мисик – но всё-таки в Пятницу приезжай. Даже если не успеешь взять круговой билет – ничего, разница небольшая. А с деньгами не сокрушайся. Место есть, заказ есть, новые мотивы есть – чего же!

А сколько готовых вещей! Ожидаю очень.
Милый, хороший мой, приезжай! Целую!!!

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/278. 2 л.

26 Июня 1906 г. Швейцария.
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Н.К.

HOTEL du PARC
& Queen's Hotel
Villars-si - Ollon

Le. 26 июня 1906

Дорогой Майчик

Вчера приехали в Villars, остановились в Hotel du Pare, а сегодня уже переехали в Hotel Muveran, платить придётся то же самое без тебя 40 и с тобой 45. В Hotel du Pare, с нами поступили по-свински, поселили не в тех комнатах, кот. мы выбрали, а главное, отвратительно кормят. В Muveran насчёт еды гораздо лучше и комфорту больше. Сад прелестный, Юшка в полном восторге, нашёл себе компаньонов русских мальчиков. Здесь масса русских.

Мне ужасно обидно, что я не могла взять француженку, Юсик начинает говорить, знает массу выражений и слов, и даже недурно выговаривает. Светка тоже высказывает большую способн. в фран. яз. Говорит: *promener, non, que*, и очень часто Юрика называет Юнька, а себя Светочка.

Мне здесь страшно нравится, горы при закате солнца изумительны. Есть много, что написать. ~~Поеду ли~~ Пахнет елью и мёдом от массы цветущих трав. К твоему приезду все скосят. Жалко. Теперь это удивительный ковёр, ничего подобного в России у нас нет. Стыдно сказать, меня даже во Флоренцию не тянет отсюда. Очень уж надоела Женева.

Итак, во Флоренции ты меня не жди. Денег очень в обрез, а Бог знает, можно ли будет получить что-нибудь из России. Устала страшно с переездами на дачу и из отеля в отель.

Целую тебя крепко.

Возвращайся поскорее, у нас очень хорошо.

Наш адрес: Suisse. Villars s/ Ollon Grand Hotel Mveran

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1207. 2 л.

[Конец июня 1906 г. Перуджия]
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Дорогой Мисик,

Отказ Твой приехать огорчил меня гораздо больше, чем Ты думаешь. Всё-таки в нём есть какое-то Муличкино нежелание просвещения. Ведь не в 200 р. дело? Это просто нежелание сделать вместе лучший кусок Италии. Напиши, пожалуйста, во Флоренцию Hôtel Arno, или лучше прямо Равенну poste restante. Приедешь ли во Viege, чтобы ехать в Зермат, в видах экономии мне придётся сделать и этот пункт теперь же и возвращаться туда из Виллара неразумно. Ты не можешь представить, до чего мне надоела эта головоломная скачка; но что делать, всякие экзамены трудны. Не понимаю только, для чего мы тратили деньги всем тащиться в крайний угол Швейцарии? Это самое ужасное лето, и есть от чего характеру испортиться. Как мне хотелось встретить Тебя во Флоренции, а Тебе-то этого и не хотелось.

Целую всех. Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/377, 2 л.

[29 июня 1906 г. Perugia]
Открытое письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Suisse. Via Bex-les-Bains Villars-sur-Ollon. Gr. Hôtel Muveran
A Madame E.Roerich

Милая Мися, а может быть, ещё приедешь во Флоренцию или Равенну. Тогда телеграфируй в Hôtel Arno. *Хорошо бы*. Деньги-то найдутся – видишь в России опять спокойнее. Отвратительно ехать. Поеду очень быстро. Дай новый адрес на почте, я дал *везде Hôtel Park*.

Ведь в Muveran'е худо? Целую.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/275, 1 л. На штемпелях даты: PALAS HÔTEL. PERUGIA. 29 Giu. 1906; и BEX – 30.YI.1906.

[29 Июня 1906 г.]. Флоренция.
Открытое письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Suisse. Via Bex-les-Bains Villars-sur-Ollon. Grand Hôtel Muveran
A Madame E.Roerich

На штемпеле: BEX – 30.YI.1906

Дорогой Мисек, завтра в Субботу вечером выезжаю в Болонью и надеюсь в Понедельник быть в Равенне. Значит, в конце недели приготовляйся ехать в Viege (Зермат). Флоренция очень хороша, но жара несносна. Зачем Ты не при-

ехала? Я так ожидал и думал встретить. Когда теперь мы попадём в эту красивую печь? Разве выгонят – тогда и весна и осень свободна. Целую всех.
Пиши Равенну. Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/276, 1 л.

Из архива Н.К. Рериха:

Ч/б фотография с картины Лоренцо [1906 г.]

Внизу надпись: (Edⁿ Alinari) P.● 2.● N.● 5658. PERUDGIA – Pinacoteca Vannucci. Un Miracolo di San Bernardino. (Fiorenzo di Lorenzo)

Un Miracolo di San Bernardino. (Fiorenzo di Lorenzo)
Чудеса Св. Бернандина. (Фиоренцо ди Лоренцо).

Отдел рукописей, ф. 44/1789, 1 л.

Фьоренцо ди Лоренцо. Чудеса Св. Бернардина. 1473. Масло.
Национальная галерея Умбрии.

ИЮЛЬ

1 июля 1906 г. Париж

Письмо М.К. Тенишевой к Н.К. Рериху

2, RUE OCTAVE FEULLET PARIS

1/14 Июля 1906.

Добрейший Николай Константинович, только что получила ваше письмо из Villars. Мне как-то покойно на душе при мысли, что вы где-то недалеко, значит увидимся.

Относительно Италии вы совершенно верно говорите, у меня когда-то (во время одной краткой поездки в Италию) было тоже сильное чувство, что я нахожусь на роскошном кладбище и эта, как роскошь не велика, всё же это кладбище! При виде этих великолепий как-то делается грустно, точно эти великаны творцы оставили там свои тени, которые бродят среди живых и напоминают им, что на земле всё преходяще.

Относительно Маковского думаю так: не лучше ли ему издать самому свою книгу; я же могла бы ему авансировать 500 р. Если я буду издательницей, то наши друзья наверно усмотрят в этом опять что-то вроде корысти с моей стороны, т.к. по вашим словам видно, что в книге Маковского упоминается обо мне. Лучше не трогать злых. Я так устала от злобы людской и чем меньше дразнить этих злых, тем лучше.

В настоящее время уже прислали 600 книг фр. текст "Талашкино", но продаются они туго, т.к. сезон совершенно окончился. Высылают их все скорым поездом, что стоит дорого. Если ещё есть в России эти книги, не дать ли их на комиссию, хотя бы Мелье, шт. 50. не напишете ли вы об этом томике? Ожидаю теперь ваши картины и посоветуюсь с <...ном> относительно Осеннего Салона.

Конечно работайте, пишите, творите, это ваша сфера, другим я вас не вижу и всё ваше хорошо и глубоко. Что же касается комплекта для <полной> выставки, я скажу своё мнение довольно ли вы хорошо будете представлены или нет, когда увижу всю коллекцию. Прошу вас, сделайте для меня акварель ваших чудесных «Заморских гостей» в простых планах и линиях, я исполнила бы эту вещь в эмали. Мне так хочется сделать что-нибудь по вашему замыслу, а «Гостей» я страшно люблю. Передайте мой сердечный привет Елене Ивановне, вся моя компания вам кланяется и благодарит за память.

Дружески жму вашу руку,

Мария Тенишева

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1362, 2 л.

«Прошу вас, сделайте для меня акварель ваших чудесных «Заморских гостей» в простых планах и линиях, я исполнила бы эту вещь в эмали. Мне так хочется сделать что-нибудь по вашему замыслу, а «Гостей» я страшно люблю...»

Н.К. Рерих. Заморские гости.
(открытка)

М.К. Тенишева. Эмаль «Заморские гости».
Исполнено по рисунку Н.К. Рериха.

2 июля 1906 г. СПб.
Хроника

Художественная летопись

В императорском Обществе поощрения художеств в текущем сезоне предполагается целый ряд нововведений. Приложены старания к расширению постоянной выставки Общества. Два раза в месяц будут устраиваться аукционы картин и других художественных произведений. Кроме того, предполагается целый ряд выставок частных коллекций, главным образом принадлежащих членам Общества.

Главный интерес представляет, несомненно, коллекция М.П. Боткина, где много редких и художественных произведений, в том числе рисунки и этюды знаменитого А.А. Иванова и его картина «Беллерофонт отправляется в поход против Химеры».

Словом, новый председатель Общества Н.К. Рерих и секретарь Зарубин заботятся о расширении деятельности Общества и об её интенсивности

Слово. 1906. 2/15 июля. № 503.

3 июля 1906 г. Равенна.

XXIV. ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛЕГЕНДА

Вот почему ночью летают светлые мушки.

Грешные души от земли хотели подняться. Хотели найти ворота райские и воззвали души к великому ключарю, апостолу:

- Отец ключарь! Хотим идти к воротам твоим! Темно нам, пути не найти!

Ответил сверху апостол:

- Вижу вас, жалкие! Вижу вас, тёмные! Вот стою я. Светлы ворота мои, это вы, тёмные, идёте во мраке.

Плакались души внизу:

- Отец ключарь! Пётр апостол! Свечи нет у нас. Темны пути наши. Дай нам светочи, с ними увидим тебя. Пустынно в полях и холодны камни.

- Неразумные! Чего к земле приникаете? Оставьте пути тёмные. Идите путями верхними.

Души просили:

- Света, света дай нам. Хоть одну искру дай нам. Темно, и не знаем мы, где идти наверх.

И сказал последнее апостол:

- Малые, малейшие, не знаете, что затемнило путь ваш. Дам вам светочи; светите себе, но нет тёмной дороги в светлые страны. Просите светоча, но светоч не есть свет.

Так дал великий ключарь светочи грешным душам, и ночью видят их даже люди.

И летают быстро, ищут ворота Рая грешные души. И летают вечно, и есть у них светочи.

Золотое руно. 1906. Июль-сентябрь. № 7-9. С. 156-157.

Листок из архива Н.К. Рериха:

И плакали мужи Апостолу:
«Отче ключарь! Темно нам, не видно ворот Твоих. К ним идти мы хотим».
Отвечал сверху апостол:
«Вижу вас, жалкие. Вижу - вас тёмные. Вот стою я».
«Отче ключарь! Нет у нас светочей, с ними видно было бы нам.
«Неразумные! Чего к земле приникаете, смотрите наверх».
«Дай нам света, отче. Темно и не знаем, где верх.
«Дам Вам светочи, пусть светят Вам, если думаете с ними, ворота мои найдёте.
И сказал Апостол: «Малые, малейшие!...

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1206, л 1 об.

Н.К. Рерих. Из итальянской жизни. 1906-1907

Записные листки Н. К. Рериха
XXV. ВОССТАНОВЛЕНИЯ

«**В**сякий предмет, естественно, умирает. Художественное произведение тоже имеет свою смерть - оно разрушается». Если память не изменяет, так где-то сказано; а может быть в этой форме и не сказано.

В старину фрески и мозаики просто замазывали или покрывали новым - лучшим или часто худшим. Мы делаем так же, но кроме того, мы усовершенствовались и стали готовить мумии-чучела, не только из людей и животных, но и из всяких предметов.

Таким способом временно «спасено» многое в искусстве; приделано множество рук, ног, даже голов к чуждым телам; негодными красками и чёрными лаками «оживлено» великое число картин, - да ещё по несколько раз иногда; при хорошем знании можно всегда изобрести недостающее, смутное. Кисть сохраниителей прошла почти по всем фрескам; их даже снимают со стен и переводят на доски.

Сколько тщательно расписанных мумий! Сколько мёртвых останков! По искривлённым, засохшим губам угадайте улыбку; в тёмной бесформенной массе - движение; в сломанных суставах — мягкость и гибкость.

И сколько восстановителей трудится; в рвении выдумывают новые банки консервов. Один Вазари, холодный, сколько потрудился над работами предшественников.

И смерть всё-таки приходит, чтобы ввести новую жизнь. Но мумии не оживают, они только напоминают, и бесчисленные с них копии только продолжают это дело ошибок.

Всякая почва по-своему сохраняет предметы, так и время разными путями разрушает художественные вещи. Съедает - одни; туманит - другие; чернит - третьи; ломает, изгибает, коверкает и украшает. Иногда трудно отделить работу людей от создания времени. И все такие случайности часто ложатся в основу толкований, и около искусства, около радости красок и линий накапливается многое мёртвое, ненужное. Некрологи принимаются за подлинные слова умерших.

Сколько фресок лучших, самых лучших художников, сколько картин и статуй превращено в мумии, а инвентари выдают их за живое. Бесчисленны погибшие линии архитектуры. Пропали формы; очерствели, потухли настоящие краски.

Что чувствуют их создатели, если мысль их ещё близка миру?

Около стен и под куполами устрашающе стоят гильотины искусства — подмостки реставраторов; на колёсах, громоздкие, закрытые со [всех] сторон, - за ними погибает искусство. Глубина настроения, прелесть случая вдохновения покрывается удобопонятным шаблоном, по всем правилам восстановителей.

Не изгоним их; они очень почтенны и для них есть большое дело: поддержите остатки ветхой жизни, закройте от света слабое зрение, сохраните теплоту воздуха для старого тела, удалите колебания, наконец, снимите пыль и грязь, но беда - коснуться духа вещи, повредить её эпидерму.

И не раскрашивайте мумии; костяки не склеивайте, по ним узнаем только длину и ширину тела. Ко всему ложному в представлении нашем, неужели, бу-

дем прибавлять ложное бесконечное? Неужели музеи будут уже не темницами, но кладбищем искусства?

Была и будет смерть, и бороться с нею бессильно; тем больше её торжество.

Равенна. 3 июля 1906.

Золотое руно. 1906. Июль-сентябрь. № 7-9. С. 156-157.

10 июля 1906 г. Павлово.

Письмо Покровского В. к Рериху Н.К.

Павлово 10/VII 06

Многоуважаемый
Николай Константинович!

Спасибо за привет – который не застал, к сожалению, меня в Питере – я был в Киевской губ. на Голубевской постройке и теперь пишу Вам наудачу – т.к., всего вероятнее, Вы в своём путешествии далеко двинулись вперёд. Ну, м.б., письмо всё-таки попадёт, рано или поздно, в Ваши руки. Сообщу Вам кое-какие новости. Во-первых у Голубевых в имении были беспорядки средней руки, т.е. забастовки в экономии – сопротивление приставу со стражниками (вынужден был ретироваться), и теперь там стоят драгуны – начались ли работы по уборке хлеба, не знаю, но, если не пришли теперь ещё к соглашению, то урожаю хлеба (не свекловицы) можно сказать «прости».

На церковном деле эти волнения не отражаются, разве только подёнщики попросили маленькой прибавки, которую им дали.

Мозаика Ваша, как божится В.А. Фролов, будет (Пархомовские 2 вещи) готова к Вашему приезду т.е. к 20 Авг. – но пока я несколько в этом сомневаюсь, т.к. спаситель только начат. Очень, очень жаль, что эта работа, конечно по нашей с Вами вине, двигается без Вас, т.к. я, хотя и был за лето несколько раз у Фролова и кое-что заметил ему, но всё же это далеко не то, что надо; и я предчувствую, что Вы многим, вероятно, будете недовольны.

Наши политические дела Вы знаете не хуже нас; а после разгона думы, и вероятно последующего за ним гонения (полной приостановки) на всю прогрессивную печать, будете знать даже больше. Теперь все примазываются к Выборгу, что будет далее и даже завтра, никто не может сказать...

Ежегодник двигается вперёд, но медленнее, чем можно было думать. Причина – строительный сезон: все заняты своими делами.

Дачею своей мы очень довольны, если бы Вы застали нас ещё на даче – то наверное написали бы этюд с галиотов в свежую погоду.

Передайте мой привет многоуважаемой супруге Вашей и богатырям.

Жена просит передать свой привет.

С совершенным почтением, преданный Вам

В. Покровский.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/1123, 2л.